

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ

Эта Беседа является, по сути, продолжением Восьмой Беседы о ленинском наследии, можно сказать – её третьей частью. В той речи шла о начатом Владимиром Ильичом «коренном» пересмотре «всей нашей точки зрения на социализм». Ленинская теория социализма после 21-23 гг – это теория существенно «другого социализма» (по сравнению с «социализмом», о котором писал Ленин накануне Октябрьской революции). В Восьмой Беседе подчёркивалось, что, к сожалению, эта теория обновлённого социализма осталась незавершённой: «экономическая демократия» – ни в теории, ни в практике – не была дополнена «политической демократией». А «новая экономическая политика» без соответствующей ей «новой политической политики» была обречена. Отход от неё торил дорогу к тому, что я назвал Большой Бедой - к административно-командной, к авторитарной (а то и тоталитарной) системе.

В сегодняшней Беседе я размышляю над тем – смогли ли ученики и соратники Ленина продолжить его линию «пересмотра» социалистической теории, выработать альтернативу, надвигающейся Большой Бедой. И в чём, на мой взгляд, должна была состоять эта альтернатива. Вопрос, имеющий не только исторический характер...

После Ленина

(Что делать и чего не делать - уроки истории)

«Я все-таки хочу понять!»

Начну с проблемы, которая мучает меня с самых первых моих – юношеских – статей и по сей день. Наиболее полно, наиболее развёрнуто, сформулирована она в моей книге 2006 года – «Идеалы и идолы». Мне не удалось тогда дать удовлетворяющее меня самого решение этой проблемы. Но содержание самой проблемы высвечено там, на мой взгляд, достаточно полно. Вот что я там тогда писал (цитата, конечно, длинная, но, ведь, и проблема непростая, и описать её хочется с возможно большей полнотой):

«Я все-таки хочу понять, почему всё так получилось? Почему гуманные планы и благородные замыслы,

изначально присущие социалистической теории, марксизму (равенство, братство, свободный труд, материальное изобилие), обернулись в нашей стране, при реализации, такой чудовищной – сталинской – системой? Я не только репрессии, не только гугаги имею в виду. Я имею в виду возникновение общества, жестко разделенного на новых (по сравнению с царизмом и капитализмом) господ и новых рабов, на чиновно-бюрократическое меньшинство, в руках у которого всё (и власть, и собственность), и обездоленное народное большинство, у которого - ничего. Я имею в виду появление новой общественной формации – с социально-классовыми антагонизмами, которых не знала история и появления которых никто (включая Маркса и Ленина) не ожидал и не предсказывал. (Это не только и не просто проблема далёкой истории, - добавлю я сегодня, в 2020 г. – Понять то, что произошло в нашей стране на рубеже 30-х годов – значит понять, что надо и что не надо будет делать, выходя из тупиков, в которые вверг наше общество олигархический капитализм. Это и к современным событиям в Белоруссии имеет прямое отношение; там тоже случился этот печальный феномен: радужные надежды на построение общества справедливости, социального равенства и народоправства в начале и авторитарно-тоталитарная система в конце).

Когда я был помоложе, мне, большому почитателю Маркса, очень хотелось объяснить это тем, что исполнители (главным образом, сталинцы) извратили, вульгаризировали теорию Маркса. И задача, следовательно, состоит в том, чтобы выявить пункты этих извращений, восстановить подлинный (или как тогда любили говорить – «аутентичный») марксизм и затем реализовать его во всей чистоте и точности его замыслов. При этом я и мои друзья отдавали себе ясный отчет, что речь идет отнюдь не о мирных, товарищеских научных дискуссиях в рамках одной идейной парадигмы, а о жесточайшей, абсолютно

непримиримой идейной борьбе принципиально разнящихся, даже – антагонистических, мировоззрений (хотя и одинаково именующими себя «марксизмом»). И реализация «нашего» марксизма предполагала не «поправки», не «улучшения» существующей системы (так называемого «реального социализма»), а её коренное преобразование – в форме антибюрократической революции, имеющей целью вырвать власть из рук партгосноменклатуры и передать её в руки угнетенного политически и эксплуатируемого экономически НАРОДА.

Для меня и сегодня совершенно очевидно, что идеология и политика сталинского руководства с марксизмом, с его **сутью**, не имели ничего общего. Я и сегодня думаю, что сталинисты извратили и испоганили марксизм. Но!...

Но в последние годы, при более основательном рассмотрении событий XX столетия, мне всё чаще и чаще приходит в голову мысль, что сталинизм – явление не совсем постороннее марксизму, что есть в марксизме какие-то пространства, какие-то участки, какие-то почвы, на которых, при определенных условиях, могут вырастать ядовитые цветы сталищины. Иначе говоря, сталинизм – не целиком «по ту сторону» марксизма, он возрастает из ограниченностей, узких мест марксизма, из его ошибок и ложных ходов.

Мой прежний – чересчур простой ответ – перестал удовлетворять меня. И задача тысячекратно усложнилась: исследовать, есть ли в марксистской теории то, что при определенных условиях может обернуться сталинизмом. Сейчас, когда я пишу эти строки, я не готов ответить на этот вопрос. Но я готов его **поставить** и начать соответствующее исследование. Интуиция же подсказывает: микробы сталинизма присутствуют и в Марксовом и тем более в Ленинском учении. Интуиция подсказывает: что-то очень важное упущено, не учтено ни Марксом, ни Лениным. Что?..

Не собираюсь в своих размышлениях ограничиваться лишь выяснением логики перехода к сталинизму. Для меня не менее важно понимание и дальнейшей эволюции нашего, российского, общества – в болотную жижу брежневщины, барахтание в этом болоте в эпоху Горбачева и обретение нового (не менее, впрочем, отвратительного) социального качества в эпоху Ельцина. Но эта, дальнейшая, эволюция – это всё потом; да, и понятой она может быть только в контексте эволюции сталинистской общественной формации, исходя из её противоречий и закономерностей. Но это будет уже более простое и более легкое теоретическое занятие. Самое трудное, самое принципиально важное для понимания всего процесса российского развития в 20 столетии - это рождение сталинизма как бы из марксистского проекта. Это – выяснение сущности новой, невиданной в истории общественной формации. Самое главное – понять этот момент неожиданного рождения нового социального качества (не предсказанного, не предугаданного классическим проектом). Дальше – уже движение в рамках этого нового общественного строя. И это, конечно, проще для понимания.

И ещё. Да, я хочу нащупать изъяны того проекта, на который ориентировалась наша страна в XX столетии, да, я хочу понять, где мы сорвались, какая историческая логика затолкала нас в кровавую колею, в экономические, политические и культурные тупики. И всё же мне не собственно непознанные фундаментальные закономерности общественного развития «не дают мне покоя». Ну, чего же из-за них убиваться-то особенно? Не познанные сегодня, будут познаны завтра; приналяжем всем научным миром – и приоткроются завесы исторических тайн.

Мне «покоя не дают» явления гораздо менее крупные, менее масштабные. За мною «как тень гонятся» и гнетут

душу разные «мелкие» (на фоне-то всемирных закономерностей и фундаментальных сдвигов!) подробности бытия, с которыми я никак не могу справиться ни мыслью, ни, в особенности, чувством и которые-то сообщают моему поиску (уж, извините!) повышенную эмоциональность (мало свойственную людям моей – весьма уже почтенной- возрастной группе) и особую напряженность.

Ну, вот, например, такая «частность» как судьба Бухарина, Николая Ивановича (типичная, кстати, для многих из когорты «старых большевиков»). Ведь, как славно, как вдохновенно всё начиналось: в 29 лет – в Октябре 17 года – он в головных рядах грандиозного социального сдвига. Помните, как Гегель (этот «сухарь» Гегель) приветствовал Французскую революцию: «Грандиозный восход солнца!»? А Октябрьская-то – помасштабней, покапитальней Французской будет: там один класс сменял другой у штурвала социального корабля, а тут – вообще классы уничтожаются, освобождается **всё** общество. Тут уж не просто «солнце», тут, почти по Маяковскому – «в **сто сорок** солнц восход пылал». И самым ошеломляющим было то, что всходили все эти солнца не в силу вечных и слепых законов природы, а (как казалось) по мановению, по воле дерзких и смелых пролетарских революционеров, прошедших тюрьмы, ссылки, изгнание. Выстояли, выдюжили. Просветили, организовали и вдохновили людей – и вот величественный итог: «нация рабов», забитый российский люд поднимается с колен! Свобода! Равенство!! Братство!!! Нет больше господ и рабов! «Я хочу, чтоб на крик «Товарищ!» оборачивалась вся земля!». Все – **товарищи!**

Можно задохнуться от счастья – от свершений и перспектив. И среди творцов этого великого исторического деяния – он, совсем молодой человек, - Бухарчик, Бухарушка, «золотое дитя партии», второй,

после Ленина, теоретик. Как ясна и прозрачна даль истории, рассматриваемая им через волшебный кристалл марксизма! О, эта ясность, эта уверенность в своих силах, в мощи своей теории, в верности выбранного пути!..

А совсем немного спустя: «Бухаринские изверги», «фашистские недобитки», «злые контрреволюционеры, замышлявшие— ещё в 18-м - убийство Ленина», «шпионы», «вредители», «реставраторы капитализма», «подонки общества». И под бурные, долго не смолкающие аплодисменты Колонного: «Расстрелять, как бешеных собак!».

Может быть, вернулись к власти те, кого сбросили в семнадцатом? Если бы! Не дрогнул бы, не растерялся бы тогда Бухарчик. Без слюней и соплей, твердым шагом – уверен! – взошел бы он на свой эшафот. Отдать жизнь за Истину, за Святое Дело, за свою Веру, за Счастье миллионов – как Гус, как Бруно, как Пестель, как Желябов – да, ради бога!.. Но здесь-то не белая гвардия, не царская охранка, - свои же, «братья», «товарищи» вершат суд – те самые «рабочие и крестьяне», которых он освобождал в 17-м. Есть от чего не просто растеряться, рассудок потерять можно...

И именем «великой свободы», именем «стальной и любимой (выкованной во многом им) партии», именем «великой революции рабочих и крестьян» его поведут коридорами Лубянки последним маршрутом в грязные и кровавые подвалы и там буднично пристрелят – как подвальную крысу.

А на улицах и площадях будут трепетать на ветру красные полотнища лозунгов, которые они, еще вместе с Ильичом, сочиняли. И – сверкать на солнце алые стяги со звездами, серпами и молотами. И – празднично лететь на всю страну из репродукторов: «С Интернациона-а-а-лом воспрянет род людской...».

Ни понять, ни тем более объяснить, что же случилось с его любимым и высоконаучным марксизмом, Бухарин не успеет. Он отойдет в мир иной – в полном душевном смятении, охваченный идейным кошмаром, и не словами, а самой судьбой своей формулируя для нас Проблему.

Мне «покою не дают» - заснятые на старой, истертой временем киноплёнке - глаза изможденных голодом украинских и русских ребятешек – покорно и тихо лежащих на землю (стоять, сидеть уже нет сил!), чтобы уже никогда с неё не подняться. Миллионами жизней заплатили Россия и Украина за сталинскую коллективизацию.

Сорванные с обжитых мест – с Поволжья, с Кубани – и выброшенные из товарняков на сибирский снег «кулаки» и «подкулачники», - т.е. крестьяне, которые поверили революционно-октябрьскому, а потом – нэповскому, лозунгу «Земля – крестьянам!» и попытались – своим истовым трудом – обеспечить себя и страну хлебом.

А полосы «Вечерки» середины 90-х годов – мелким шрифтом, в рамочке – тысячи имен: слесарь, учитель, кладовщик, шофер, инженер, врач, каменщик – с маленькими портретиками (у кого сохранились в «деле») или без них, с краткими биографическими данными и неизменной концовкой: «приговорен к расстрелу», «к десяти годам без права переписки» – мартиролог жертв 30-х годов. Это-то уже не «элитные» разборки в борьбе за властные места. О пытках и расстрелах этих, «элитных», граждан тоже тяжело читать. Но не расстреляй Ворошилов Тухачевского, Тухачевский расстрелял бы Ворошилова – одна стая, одно мировоззрение, один способ действий, и вождь-идол – один («Да здравствует Сталин!» – кричал расстреливаемый чекистами руководитель новосибирских коммунистов Эйхе!). Но в «Вечерке» – о другом, - о «разборках» закрепляющей свою монополию на господство сталинской бюрократии с её главным

историческим оппонентом – с не до конца придавленным, не до конца превращенным в раба народом. Короче – это «разборка» с народом победившей властной «элиты».

Куда же завлекло нас «единственно верное», «единственно научное» учение? Вот этим вопросом задалось демократическое крыло так называемого «шестидесятничества». И их самоотверженный поиск дал неплохой интеллектуальный улов. Они взяли за основу, за точку отсчета Маркса и Ленина. С этих ступеней они обзревали протекавший исторический ряд, марксовым (ленинским) метром мерили историю, статьями марковского (ленинского) философско-социального «кодекса» судили исторические деяния. И – зафиксировали, описали в деталях, с исключительной научной добросовестностью, эмоциональностью, а нередко и литературным блеском впечатляющее несовпадение исходных марксовых (и ленинских) установок с действительностью «реального социализма». Им достало смелости сказать – где прямо и открыто, где косвенно и намеком (ибо сие подпадало под действие статей сталинско-брежневских уголовных кодексов с устрашающими клише: «антисоветская агитация и пропаганда», «контрреволюционная деятельность», «выполнение заказа международной реакции», - с последующей расправой) – достало, повторяю, смелости сказать и доказать: то, что есть – не марксизм (не ленинизм) и не социализм. То, что есть – не общество социального равенства и дружественных классов, на базе общественной собственности строящих счастливую жизнь, как о том грезили «основоположники», а общество вопиющего социального неравенства, общество, разделенное на всемогущую, всем владеющую и всем повелевающую партийно-государственную бюрократию («номенклатуру») и бесправный, ничем не владеющий, ничего не определяющий, дурачимый идеологическими

попами, еле-еле сводящий концы с концами в своей повседневной жизни, Народ. То, что есть, - это новый тип классово-антагонистического общества, то, что есть, - новый тип социального угнетения. А отсюда следовал их лозунг: «Вернуться к Марксу (Ленину)!». Не к тем, что разошлись в главах и параграфах сталинского «Краткого курса», в партийных постановлениях и решениях, основополагающих идеологических «кирпичах» Политиздата и популярных брошюрах общества «Знание», а к чистому, высокому, умному, гуманному, Настоящему («аутентичному») Марксу (Ленину). И – **начать всё** (т.е. – строительство совершенного, гуманного, экономически эффективного общества, поименованного ими «социализмом с человеческим лицом») **сначала**. И повести дело – в полном соответствии с Марксовыми (Ленинскими) предначертаниями.

Это было громадное завоевание поколения шестидесятников. Их труды, их мысли «закрывали» одну эпоху, эпоху безоговорочного доверия к марксизму и формам его реализации, и открывали другую – эпоху фронтальной критики социального мира, строившегося по марксистским чертежам.

Это идеологическое новаторство, эту идеологическую революционность шестидесятничества своим, что называется, звериным чутьём учувала правящая «реально-социалистическая» бюрократия. О, таких марксистов (ленинистов) руководящие партийные товарищи боялись больше, чем прямых и открытых «антимарксистов». Ведь, диссидентствующие антимарксисты не только не ослабляли, но даже, как это ни покажется кому-то странным, усиливали идеологические и политические позиции правящей номенклатуры. Ну, как же – за ней, за этой номенклатурой, стоят, видите ли, такие интеллектуальные гиганты, как Маркс, Энгельс. Они, эти антимарксисты, по сути, дарили тупой и серой,

антиинтеллектуальной бюрократии мощные мировые теоретические традиции, сами оставаясь с самодельными и жалким идеологическими изобретениями.

Диссидентствующие же марксисты-шестидесятники выбивали псевдомарксистскую номенклатуру с этой позиции и пускали её по миру не прикрытой, краденой у марксизма, одеждой, а – такой, как она есть на деле – клыкастой и меднолобой. И когда шестидесятники говорили: «Мы им (партсовбюрократам) Маркса не отдадим» – в этом была не наивность их (как думает нынешняя полуграмотная интеллектуальная шпана), а – мудрость, тонкое историческое и теоретическое чутье.

В общем, это была весьма плодотворная точка отсчета. Но – НЕДОСТАТОЧНАЯ! СОВЕРШЕННО НЕДОСТАТОЧНАЯ! И – потому, что во второй половине XX века, в совсем не-марксовых условиях, строить мир по Марксу было бы верхом наивности. И – потому, что в самих классических проектах было нечто такое, что не давало достаточного противоядия против сталинистских и тоталитаристских извращений. И, наконец, главное, – потому, что самого Маркса (Ленина), саму эту «точку отсчета» надо было перепроверять и уточнять. И перепроверять фундаментально – во всех «основных частях» и «источниках»¹.

Мне, повторяю, не удалось тогда дать решения сформулированной проблемы, которое бы вполне удовлетворило меня. И вот сегодня – очередная попытка найти ответ.

*Сталинизма можно было избежать
(ленинская концепция экономической демократии)*

Да, сталинизма можно было избежать, даже оставаясь в рамках марксо-ленинской парадигмы. Только саму эту парадигму надо было существенно модифицировать под

¹ Водолазов Г.Г. Идеалы и идолы. М., 2006. С.23-25, 28-30.

давлением вызовов послеоктябрьской социальной реальности.

И важно отметить, что такая «модификация» была начата самим Лениным, и именно она сулила возможность избежать скатывания нашего общества к тоталитарной сталинской системе. В чём была суть этой начатой Лениным «модификации» и почему же, тем не менее, всё, к 30-м годам, закончилось сталинской тоталитарной казармой?

«Модификация» эта начинается удивительным (мало кем замечаемым и мало кем понимаемым) утверждением: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»² (6 января 1923 года, статья «О кооперации»).

Что же «пересматривал» Ленин? Какие идеи, какие концепции он призывал отбросить и почему?

Прежде всего – всю прежнюю *экономическую* стратегию и положения социалистической теории, её определявшие³.

В чём была суть прежней «точки зрения» на социализм, которую призывал пересмотреть Ленин?

Вот её основные параметры.

Возглавляемые Лениным большевики шли на Октябрьскую революцию с идеей строительства – в ближайшей перспективе – социализма. Это означало: 1. Уничтожение частной собственности⁴; 2. Построение экономики на манер единой – в национальном масштабе – «фабрики», работающей по спускаемому сверху, из центра Плану⁵; 3. Создание новой политической системы: народная власть в форме Советов; 4. Приход к власти через революцию, политическое насилие и продолжение

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.45. С. 376.

³ Подробный рассказ о ленинской концепции обновлённого социализма – см. Г.Водолазов. Ленинское наследие: вода живая и мёртвая. «Вопросы теоретической экономики», №№ 2-3, 2020.

⁴ «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т.4 С. 438).

⁵ «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С.101). «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.17.С. 127).

«социалистического строительства» при опоре на «диктатуру пролетариата».

И вот через три с половиной года после «успешного», «победного» Октября Ленин констатирует, что все эти императивы и установки не дают ожидаемого – социалистического (да и вообще мало-мальски приемлемого для общества) - результата. Следование им ведёт страну в тупики, социально-экономическое и социально-политическое болото, ввергает общество в тяжёлые кризисные ситуации (которые, добавим мы сегодня, и чреваты перерасти в тоталитаризм).

Мы думали, отмечал Ленин, что сможем быстро перейти к социалистическим формам деятельности – и в сфере экономики, и в сфере политики. В этих целях «мы» (то есть большевики) сразу, после Октябрьской победы уничтожили (как и советовал Маркс) частную собственность на крупное промышленное производство, национализировали все основные институты частной собственности и попытались наладить взаимодействие между классами и социальными слоями, не прибегая к традиционно капиталистическим методам – торговле и рынку. «Мы» пытались организовать прямой, непосредственный обмен продуктами. «Мы» готовились к планово-государственному распределению всех продуктов и всех вообще ресурсов.

Формировалась, в результате, система так называемого «военного коммунизма», одним из ведущих принципов которого в отношениях между классами (пролетариатом и крестьянством), между государством и многомиллионной массой крестьянского населения, был принцип «продразвёрстки». Государство «верстает» план взятия у крестьян хлеба, зерна, других сельскохозяйственных продуктов (как если бы «верстало» заводам и фабрикам план выпуска промышленной продукции, выплачивая из госбюджета зарплату рабочим). «Мы решили, что крестьяне по развёрстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы

разверстаем его по заводам и фабрикам - и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»⁶. И тоже, по идее, крестьянам (также, примерно, как и рабочим) должна идти оплата их труда. Но поначалу – в силу бедности, разрушенности хозяйства страны (после первой мировой войны и революционных потрясений) платить толком было нечем. И приходилось, скрепя сердце, прибегать к не очень симпатичным и не очень гуманным мерам. «Мы брали от крестьян все излишки, и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьян продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги (которые тогда были ничего не стоящими простыми бумажками – Г.В.)»⁷. Это была тяжёлая и жестокая мера. Но крестьяне, во время гражданской войны, её приняли. Было понимание: хлеб нужен солдатам и рабочим для защиты тех же крестьян от помещиков и крупных землевладельцев, которым руководители белого движения обещали вернуть конфискованную, национализированную и переданную большевиками во владение крестьянам собственность. Крестьянам была понятна мысль Ленина: «Иначе (как прибегая к «военному коммунизму»)» и «продразвёрстке» - Г.В.) победить помещиков и капиталистов в разорённой мелкокрестьянской стране мы не могли»⁸.

Крестьяне, повторяю, приняли политику «военного коммунизма» с её «продразвёрсткой». Но приняли, как необходимую, но *временную* меру. И потому, когда после победы в гражданской войне большевики попытались продолжить «коммунистическую» политику продразвёрстки, крестьяне сказали: Нет! Довольно! После того, как угроза помещичьей реставрации миновала, они

⁶ Там же. Т.44. С. 157.

⁷ Там же. Т. 43. С. 219- 220.

⁸ Там же. С. 220.

уже отказывались по-старому, по-военно-коммунистически, без всякой меры отдавать продукты своего труда государству. Они много веков всё работали «на кого-то» - на дворян, помещиков, купцов, бурмистров. Теперь они желают поработать «на себя». А им подсовывают нового «хозяина» - государство. Зачем тогда революция?

Большевики натолкнулись на стену, на решительное сопротивление крестьянской массы. «К весне 1921 года, - констатировал Ленин, - выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом перейти к социалистическим основам производства и распределения»⁹. И – «поражение» более серьёзное, чем какое бы то ни было поражение, нанесённое нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение гораздо более существенное и опасное»¹⁰.

И самое главное, что тяжесть, опасность и масштабы этого поражения были связаны с ещё более значительным фактором, чем сопротивление крестьянства социалистическим мерам. Этим мерам сопротивлялась сама История. Тупиковость ситуации вызывалась и более фундаментальными причинами.

У большевиков была неколебимая уверенность, что дорога в светлое будущее идёт через национализацию, огосударствление, обобществление всего и вся. Всё – через государство, и ничего – помимо государства! Они огосударствили крупную промышленность, железные дороги, финансовую систему, «огосударствили» деятельность рабочего класса. Осталось только «огосударствить» крестьянство: каждого крестьянина, каждое крестьянское хозяйство сделать частью той общенациональной «фабрики», которую в «Государстве и революции» намечал создать Ленин. И вот тут-то и выяснилось, что не только крестьянин не желает быть

⁹ Там же. Т. 44. С. 204.

¹⁰ Там же. С. 159.

«деталью», «винтиком» общенациональной «фабрики», но и что в принципе невозможно «огосударствить», подключить к единой плановой экономике миллионы мелких, самостоятельных, разрозненных крестьянских хозяйств. Они атомизированы, между ними не протянуты связующие экономические нити. Их можно соединить, сделать частью единого экономического «конвейера» только двумя способами: либо продолжением военно-коммунистического насилия (вариант, применённый впоследствии сталинцами, вариант губительный для крестьян, для сельского хозяйства и для страны в целом, ибо безмерное и жестокое насилие *вмирное время* – путь к социальной катастрофе), либо – торговлей, рынком¹¹. Выбор был между экономической диктатурой и экономической демократией. По второму, гуманистическому и экономически эффективному, пути и предложил пойти Ленин.

Давайте запомним эту дату: 8 февраля 1921 года. Идет заседание Политбюро, решаются десятки насущных вопросов. Ленин на несколько минут отключается от шумной дискуссии и на клочке бумаге набрасывает строки: «1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене развёрстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом. 2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней развёрсткой. 3. Одобрить принцип сообразования налога со старательностью земледельца в смысле понижения %-та налога при старательности земледельца. 4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога».

Так зародилась новая экономическая политика – знаменитый НЭП.

¹¹ «Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью». Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 226.

А потом будет 15 марта 1921 года. X съезд РКП(б). Доклад Ленина «О замене развёрстки натуральным налогом». И первый пункт принятой съездом резолюции: «...развёрстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом»¹². Всё! Новая экономическая политика становится официально принятой стратегией развития страны.

Иной читатель может удивиться тому, что мы с таким пафосом, так возвышенно пишем об этом сюжете – замене развёрстки продналогом. Даже предлагаем запомнить какие-то даты, связанные с возникновением этой идеи. «Подумаешь, какое событие, - возможно, воскликнет он, - понизить крестьянам налог, дать им возможность образовавшиеся излишки открыто, легально, не «из-под полы» продавать на рынке и не бояться при этом, что их обвинят в «спекуляции», в нарушении государственной хлебной монополии. Ну, подправили немного налоговую, фискальную систему. Эка важность...».

А между тем, важность эта громадная, можно даже сказать (не боясь впасть в преувеличение) – всемирно-историческая.

Это был не просто ремонт фискальной системы. Это был настоящий социально-экономический переворот – на практике, это была предпосылка пересмотра основ прежней социалистической теории. Это и была альтернатива той тенденции, которая затягивала общество в тоталитарную казарму. Альтернатива, непростая, рождающая массу новых проблем, но только на пути реализации этой альтернативы появлялась возможность построения общества социального равенства, демократии и гуманизма (которое единственно и заслуживало называться социализмом). Это был обновлённый социализм, существенно отличавшийся оттого образа социализма, на который ориентировались

¹² Десятый съезд РКП(б). Стенограмма. С. 608.

большевики накануне Октября и в первые послеоктябрьские годы.

Надо понять, разъяснял Ленин, что открытие дверей «обороту», «торговле», «рынку» - это открытие дверей капитализму. Это оживление капиталистических отношений в России, в стране, взявшей курс на социализм. Так, весь парадокс, так, всё дело и состояло в том, что только через «оживление» капитализма можно было двигаться к социализму в мелкокрестьянской стране. Это был ленинский ответ на задачу, «как строить... социалистическое здание в мелкокрестьянской стране»¹³: «Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что ... капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства был возможен, ибо это нужно народу, *без этого жить нельзя* (курсив мой! – Г.В.)»¹⁴.

Вот так: через торговлю, рынок, оживление капитализма (без которого «жить нельзя») складывается новая, необычная социально-экономическая система: «социализм», дополняемый «капитализмом», или: «капитализм», окружённый «социализмом». Система, которую можно было бы обозначить, как «социализм-капитализм», или «капитализм-социализм» и которую Ленин назвал «государственным капитализмом».

Но наш «государственный капитализм», подчеркивает Ленин – не собственно «капитализм». Он – только наполовину капитализм, а наполовину – социализм. Эти «половинки» нашего госкапитализма будут соревноваться друг с другом, конкурировать друг с другом, они будут ограничивать и дополнять друг друга. Это будет соперничество и сотрудничество одновременно. Их

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С. 151.

¹⁴ Там же. Т. 45. С. 85-86.

соперничество, их соревнование даст сильный толчок развитию и сельского хозяйства, и промышленного производства. Поддерживаемые капиталистической частью новой социальной (нэповской) системы рыночные начала, мотивы получения прибыли будут стимулировать хозяйственную активность, способствовать гибкости в решении хозяйственных проблем, ускорению темпов экономического развития. Со своей стороны, социалистическая составляющая нашего госкапитализма будет существенно ограничивать эгоистические, эксплуататорские устремления капиталистического сектора, побуждая его работать на «общее дело», стимулируя развитие его социальных функций, цивилизуя и гуманизируя его, превращая, можно сказать, в «капитализм с человеческим лицом».

В связи со всем этим Ленину часто задавали вопрос его однопартийцы: «А не проиграем ли мы в этом соревновании? Ведь капитализм, как вы сами говорите, опытнее нас и превосходит в умении вести дело».

Вопрос не праздный. И Ленин не скрывал, что опасность потерпеть поражение в соревновании с капитализмом достаточно велика. Но у нас, уверял он, есть все шансы, чтобы избежать поражения, чтобы цивилизовать, ограничить капиталистические устремления. У нас есть все шансы, чтобы оптимистически смотреть в будущее.

В чём эти шансы заключаются? Почему мы можем оптимистически смотреть в будущее? «В чём наша сила?»¹⁵ – ставит вопрос Ленин. И отвечает, делая акцент на трёх факторах:

1. «Политическая власть» - в наших руках.
2. «Основная экономическая сила – в наших руках. Все решающие крупные предприятия, железные дороги и т.д. – они все в наших руках».

¹⁵ Там же. С. 95.

3. Наконец, что крайне важно, мы идём на сотрудничество, на блок не со всеми частями капиталистического класса – только с мелкими и средними частными производителями. Крупных капиталистов («монополистов», «олигархов») отсекаем. Их основную часть мы убрали с общественной арены в первое же время после Октября – через национализацию и огосударствление крупных капиталистических предприятий и банков. И это было важной предпосылкой возможности (и успешности для нас) новой экономической политики. Экономически соревноваться с крупным капиталом малосильному в то время социалистическому хозяйственному сектору было бы не под силу.

Поэтому, утверждал Ленин, у нас есть все шансы успешно выйти из всех тупиков, в которые нас завела прежняя, военно-коммунистическая, политика и вступить на дорогу экономического прогресса.

И, наконец, завершающее звено теории новой экономической политики – кооперация. Мысль о социалистическом значении кооперации появилась у Ленина спустя почти два года после X съезда, принявшего новую экономическую политику и сформулировавшего её основополагающие принципы. В этой, принятой X съездом, концепции недоставало, как потом выяснил Ленин, очень важного звена. Там говорилось о соревновании социалистических и капиталистических элементов, крестьянского мелкобуржуазного хозяйства и плановой государственной экономики, о соревновании, которое должно было способствовать ускорению хозяйственного развития. Но оставался вопрос: а что же это «мелкое крестьянское хозяйство» так и будет оставаться на долгие и долгие годы в пространстве частной собственности, в пространстве капитализма? А нельзя ли найти пути, чтобы в ходе вышеназванного «соревнования» крестьянин

приближался к коллективистским, социалистическим формам деятельности?

И вот эта форма была Лениным найдена - кооперация.

«Благодаря нэпу», пишет он, «кооперация получила у нас совершенно исключительное значение»¹⁶ [Ленин, т. 45: 369]. И дальше ещё громче, ещё значительней: «...теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России»¹⁷ [Ленин, т. 45: 369-370]. И – поясняет, в чём состоит это «гигантское, необъятное значение» кооперации: «...теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса..., степень подчинения его общим интересам»¹⁸ [Ленин, т. 45: 370]. Через кооперацию, то есть через совместную деятельность мелких частных собственников в различных сферах производства, потребления, распределения, руководствуясь своим частным интересом, крестьянин вступает в коллективистскую, потенциально социалистическую, сферу деятельности – вначале эпизодически, потом, видя пользу для себя объединения, кооперирования с себе подобными, делает дальнейшие шаги, укрепляя и развивая свои общественные связи. Иначе говоря, его «частный интерес» подталкивает его к коллективной, кооперативной деятельности, которая, вместе с социалистической деятельностью рабочего класса на государственных предприятиях, будет способствовать построению социалистического общества. Так, по Ленину, будет решаться задача – «чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении»¹⁹.

Для Ленина приход к идее кооперации, как форме перехода крестьянства «к новым порядкам, путём возможно более *простым, лёгким и доступным*»²⁰ значил многое: его

¹⁶ Там же. С. 369.

¹⁷ Там же. С. 369-370.

¹⁸ Там же. С. 370.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 371.

концепция новой экономической политики получила достойное завершение. Без этого, открытого Лениным, звена новая экономическая политика была неполна, ущербна. «Мы перегнули палку, - пишет он, - переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации»²¹.

Теперь найдены все звенья экономической деятельности, соединение которых способно обеспечить не только хозяйственный прогресс страны, но и её прогресс в движении к социализму – в его новой, по сравнению с прежними представлениями о социализме, форме. «В самом деле, - пишет Ленин, - власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т.д. – разве это не всё, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации» мы получили бы «всё необходимое для построения полного социалистического общества». «Это ещё не построение социалистического общества, но это всё необходимое и достаточное для этого построения»²² «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма»²³ [Ленин, т. 45: 373].

На этом создание концепции новой экономической политики (а по сути, концепции «нового социализма») было завершено. Сопряжение (соревнование, сотрудничество и противоборство) в рамках единого социального

²¹ Там же. С. 371.

²² Там же. С. 370.

²³ Там же. С. 373.

пространства плана и рынка, социализма и капитализма (мелкого и среднего), национальной экономики и крупного зарубежного капитала (концессии), с опорой на специфический «государственный капитализм» и кооперацию – **таковы главные черты этой новой теории послекapиталистического общественного развития. Таков результат пересмотренной Лениным прежней концепции социализма.**

Это был, конечно, прорыв, новое слово в развитии социалистической теории. И, повторим: только идя по этому, намеченному Лениным, пути, можно было не допустить скатывания к тоталитаризму.

Где остановился Ленин?

Лениным были сделаны только первые, хотя и много определяющие, шаги на этом новом пути. Нащупать дальнейшие маршруты движения было очень непростым делом. На этом пути возникала масса проблем, которых Ленин не смог (или, скорее всего не успел) ни поставить, ни тем более решить. Осмысление и решение этих проблем легло на плечи учеников Ленина. Что это за проблемы, и как с ними справлялись «ученики» Ильича?

Это, во-первых, проблемы, возникающие в ходе развития нэпа и грозящие сорвать дело социалистического строительства. И, во-вторых, самая главная, самая фундаментальная, самая трудная и, можно сказать, судьбоносная проблема: как разрешить противоречие между нэповской экономической демократией и политической диктатурой, сохранившейся со времён военного коммунизма.

Нэп, ведь, был плюралистической экономической демократией (пространством соревнования, сотрудничества и соперничества разных укладов и экономических тенденций). Но эта нэповская демократия всё время натыкалась на недемократические политические стены.

Политическая система страны в эпоху нэпа оставалась практически неизменной со времён военного коммунизма: «диктатура пролетариата», однопартийность, приоритет революционной целесообразности по отношению к праву, жёсткий централизм. Экономическая *демократия* не могла нормально функционировать и реализовывать свой социальный потенциал в условиях политической *диктатуры*.

Ведь должно же быть соответствие. Либо отказаться от *демократии* в хозяйственной сфере (то есть от нэпа) и возродить экономическую *диктатуру* по военно-коммунистическому образцу (и тогда экономическая диктатура будет в полном соответствии с политической диктатурой). Либо отказаться от лозунга политической *диктатуры*, заменив его лозунгом политической *демократии* (и тогда будет гармония между двумя демократиями – в политике и экономике). Надо было как-то решать: или – или.

Вначале о первой группе проблем – о тех, что возникают на базе развития нэпа. Как-то так получилось, что вместо ожидавшегося (и предсказанного Лениным) развития коллективистских, социалистических начал, происходит острота капиталистических тенденций – и на селе, и в городе.

В деревне – усиление кулачества. Нэп открыл дорогу частному предпринимательству. И эта «работа на себя» быстро дала впечатляющий результат. Произошёл резкий рост производства зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Преодолена полоса голода начала 20-х годов. Всё так. Но где же предсказанный Лениным рост коллективистских, социалистических начал? Ни соперничества, ни сотрудничества с сельскими капиталистами и капиталистическими социалистическому укладу не удалось наладить. Кулачество одерживает победу за явным преимуществом. Ну, и как же на это реагировать правящей партии, желающей строить социализм?

Уверять общественность (как это было свойственно некоторым видным теоретикам партии), что никакой «кулацкой опасности» для социалистического строительства не существует? И что кулак «врастёт в социализм»? Но как в такое можно уверовать? Кулак, то есть сельский капиталист, всё больше становится основным производителем сельхозпродукции. Он нуждается в свободном рынке, с помощью которого он будет преумножать своё состояние. Идея социалистического социального равенства ему не подходит. Включаться в какую-то там «плановую экономику», которая будет диктовать ему какие-то цели деятельности – это противоречит всему укладу его жизни и хозяйственной деятельности. Конкурентная рыночная стихия, частная собственность, капитализм – вот куда на самом деле «врастает» кулачество и с удовольствием будет «врастать» дальше...

Можно попытаться избрать другую, по отношению к кулаку, линию поведения: отказаться от иллюзии «врастания кулака в социализм», объявить его противником социалистического строительства и попытаться поприжать его, используя экономические рычаги. Ну, например, создавать коллективные крестьянские хозяйства из бедняков и середняков. Поддержать их всеми имеющимися у государства ресурсами, навязывая таким образом кулаку конкуренцию, в которой он, не имея государственной поддержки, победить не сможет. И вот тогда, в условиях успешно развивающихся коллективных хозяйств, кулак будет оттесняться на обочину экономической жизни, утрачивая роль «основного производителя». И вот тогда-то, в качестве не основного, а второстепенного фактора сельской экономики, он и сможет, действительно, «врасти в социализм», умеряя свой эгоизм и согласуя свою деятельность с деятельностью доминирующих социалистических форм хозяйствования. Это была бы

замечательная стратегия: она использует энергию и активность кулацких хозяйств, дающих значительный вклад в совокупное богатство общества, и в то же время существенно ограничивает кулацкие амбиции и возможности, превращая в лидеров экономической жизни общества коллективные хозяйства социалистического типа.

Одно только «но», которое рушит эту прекрасную стратегию: поддерживать коллективные хозяйства государству нечем (или почти нечем). В разорённой революциями и гражданскими войнами стране нет серьёзных ресурсов поддержки. И прекрасная идея беспомощно повисает в воздухе. Да, и (что особенно превращает эту замечательную идею в утопию) основная масса крестьянства (и бедняки, и середняки), воспитанная веками в духе индивидуализма и, как тогда говорили, «мелкобуржуазности», совсем не рвётся в коллективные хозяйства. Крестьяне хотят работать не на «коллектив», а на «себя», на своей земле, дарованной им Октябрьской революцией.

Вот если бы в стране было развито промышленное производство, способное дать предполагаемым коллективным хозяйствам технику – трактора, комбайны, транспорт – тогда бы, наверняка, большинство крестьян было бы «за коммунию», пошли бы в коллективные хозяйства, понимая, что с помощью такой техники и объединёнными усилиями они быстро достигли бы материального благополучия и существенно потеснили кулака. Вот тогда и исчезла бы «кулацкая опасность» для социалистического развития.

И снова «но». Но где в разорённой, повторяю, стране взять средства для быстрого и масштабного развития промышленности?

Стремясь всё же сохранить эту замечательную идею поддержки крестьянства продукцией государственной промышленности, некоторые видные экономисты партии

(например, член ЦК Е.А. Преображенский) заговорили о целесообразности прибегнуть к стратегии так называемого «первоначального социалистического накопления». Вспомнился им рассказ Маркса о «первоначальном капиталистическом накоплении» - когда нарождающейся буржуазии удалось за счёт бесчеловечной эксплуатации крестьянства заложить материально-финансовый фундамент для развития общества на капиталистической основе. Почему бы не повторить нечто подобное, но уже для других, «возвышенных», целей – закладки фундамента для *социалистического* строительства? Да, как когда-то первым буржуа, придётся прибегнуть к жёсткой (даже жестокой) эксплуатации крестьянства – выжимая из него по максимуму, и тем субсидируя промышленное производство. Ничего пусть крестьяне немного потерпят. Зато промышленность получит «первоначальный капитал» и, развившись, через несколько лет, вернёт крестьянам всё сторицей. Но вот вопрос: захотят ли крестьяне ещё «несколько лет» «потерпеть» такое военно-коммунистическое «первоначальное накопление»? А если не захотят (что, скорее всего, так оно и будет), то тогда что же? Прибегнуть к «диктатуре пролетариата» и ЧК? Хорошенький это будет «социализм», замешанный на насилии, терроре, крестьянской крови! Забегая вперёд, заметим, что именно к этой стратегии в 30-е годы прибегло сталинское руководство, попутно расстреляв Преображенского и его единомышленников – дабы никто не упрекнул сталинистов а политическом плагиате, сворованным у тех, кого они называли «врагами народа». Жуткая ирония истории: двинулись сталинисты по пути, намеченном «врагами народа». Ну что ж, это название к ним подходит больше, чем к Преображенским. Преображенские-то действительными «врагами народа» не были. Они просто заблуждались и к тому же (в отличие от сталинистов) не пролили ни капельки народной крови. И их

можно было поправить коллективной волей однопартийцев (как не раз случалось – с тем же Преображенским - при Ленине). Сталинцев «поправить» было нельзя, за такую попытку – неминуем расстрел.

А, может, во имя социализма и потеснения частных собственников поступить ещё проще: взять, да и «ликвидировать» кулачество. Заявим: ликвидировать «как класс», а на деле – каждого кулака, как «врага народа». Ну, если – «каждого» будет сочтено излишней жестокостью, то можно применить к кулакам и более «гуманные» методы воздействия: пусть себе живут, но отберём у них всё, что они имеют и выбросим их (24 часа на сборы!) куда-нибудь за Урал, в степи безлюдные. Кулаки – мужики изворотливые. Выживут! С «кулацкой опасностью» покончим. Но проблемные узлы ещё больше завяжутся: ведь таким образом мы «ликвидируем» не просто кулака, но, на данный момент, основного производителя продуктов – и тем самым ввергнем страну снова в суперголодное существование, чреватое гибелью миллионов (что, кстати, в начале 30-х годов и произошло).

В общем, нэп – хорошая идея. Но, видим, сколько проблем порождает процесс её реализации. И проблем поистине судьбоносных. Не найдём их решения – погибнем. Погибнем в качестве первого в мире ростка социализма, первой в истории народной, Советской, власти.

Мы коснулись проблем крестьянства, села. Но и в городе ситуация была не проще, не менее проблемной. На базе стимулов, порождённых нэпом, росли, как грибы после дождя, частные предприятия - всевозможные частные мастерские, фабрики, торговые точки, всякие рестораны, кафе, «забегаловки». Появляется и заявляет право на социальное лидерство новая фигура – нэпман, человек, ориентирующийся на мещанские, буржуазные ценности. Нэпманство порождает свою культуру, расплзающуюся по всему пространству общества, навязывает ему свои идеалы,

ничего общего с социалистическими идеалами не имеющие – идеалы мещанского образа жизни. Эгоистическая, индивидуалистская идеология мещанства теснит коллективистские идеалы социализма. Дух потребительства, угодничества, эгоизма теснит духовные, возвышенные идеалы социалистического товарищества. Психология, жизненные установки мещанства всё больше захватывают не только рядовых, что называется, граждан. Но, что особенно страшно, всё больше становятся психологией и идеологией государственных и партийных чиновников. Рождается новый страшный симбиоз мещанского, частнособственнического идеала, основанного на разрастании всевозможных привилегий чиновничества и готовностью защищать эти привилегии и своё привилегированное положение всеми доступными способами, не гнушаясь методами незаконного государственного насилия и чекистского террора. И это блистательным афоризмом зафиксировал (хотя и с вполне понятной горечью) один из главных творцов Октября – Л.Д. Троцкий: «Шло освобождение мещанина в большевике». Шёл процесс постепенного перерождения сословия революционеров, процесс превращения значительной их части из бескорыстных прежде общественных деятелей в в дельцов, в карьеристов, услужливо гнувших свои спины перед грозными очами власть предержащей группы. А уж вползшее во власть новое поколение чиновников было и подавно лишено каких-либо нравственных ограничителей. Готовое на всё – дабы удержать привилегии и властный кнут в руках своего, бюрократического, сословия.

Так постепенно формировалось кадровое ядро будущей тоталитаристской системы. Нужно было остановить процесс разрастания этого - как можно скорее и как можно решительнее.

Великий политический диагностик, Ленин хорошо различал симптомы этой социальной болезни. «Наш

аппарат», писал он, «ровно никуда не годится, нужна «переделка нашего аппарата»²⁴. Он весь пропитан бюрократизмом, «комчванством», он оторван от масс. «Коммунисты стали бюрократами»²⁵ [Ленин, т. 54: 180].

В обыденном сознании «бюрократизм» обычно не рассматривается, как какое-то масштабное и очень опасное социальное зло. Ну, это – волокита, культ бумажки (за которой не прослеживается человек). В действительности бюрократизм – это особый тип политического режима. Антинародного. Бюрократизм – это неподконтрольность власти чиновников народу. Мотивы и характер их деятельности тщательно скрывается от граждан. «Всеобщий дух бюрократии, писал Маркс, - есть тайна, таинство... соблюдение этого таинства обеспечивается в её собственной среде иерархией организаций, а по отношению к внешнему миру – её замкнутым, корпоративным характером»²⁶. Бюрократу абсолютно безразлично народное мнение. Он знает: не от народного мнения зависит его жизнь и карьера, а от благосклонности его начальника. Отсюда – высокомерие, пренебрежительность по отношению к нижестоящим и угодничество, лизоблюдство по отношению к стоящим выше. Российское чиновничество, однажды заметил знаменитый народнический публицист Михайловский, подобно лестнице: если смотреть на неё снизу вверх - восходящая лестница господ, если смотреть на неё сверху вниз – нисходящая лестница лакеев. Барин и холуй одновременно!

Бюрократизм – это система беспрекословного подчинения высшему политическому Авторитету. «Авторитет есть... принцип её (бюрократии – Г.В.) знания и обоготворение авторитета есть её образ мыслей»²⁷. Бюрократизм – это система, замешанная на политическом насилии, произволе и

²⁴ Там же. С. 376.

²⁵ Там же. Т. 54. С. 180.

²⁶ Маркс К.и Энгельс Ф. Сочинения. Т.1. с. 272.

²⁷ Маркс К.и Энгельс Ф. Сочинения. Т.1. с. 243.

волюнтаризме. «Бюрократия хочет всё сотворить...она возводит волю в *cause prima* (в первопричину). Для бюрократа мир – просто объект его деятельности»²⁸. И отсюда – грозное ленинское пророчество относительно опасности бюрократизма: «Если что нас погубит, то это»²⁹, потому что «самый худший у нас внутренний враг – бюрократ», и «от этого врага мы должны очиститься»³⁰.

Ленин видел эту зловещую цепочку становления авторитарно-бюрократической системы: диктатура пролетариата перерастает (в силу малочисленности и деклассированности российского пролетариата) в диктатуру партии, та, в свою очередь, - в диктатуру ЦК, диктатура ЦК – в диктатуру Политбюро, и, наконец, на вершине этой диктаторской вертикали - непререкаемый Авторитет, вождь-диктатор. Конечно, эта цепочка не будет чересчур зловещей, если таким Авторитетом будет человек интеллигентный, не сгораемый честолюбием, не упивающийся своей огромной властью, умеющий ею цивилизованно, в интересах общества, пользоваться. Ну, например, такой, как Ленин, Луначарский, Чичерин. А если это будет человек вроде Берии, Ежова, Вышинского, Сталина, наконец?..

Нельзя, чтобы судьба страны и населяющих её людей столь капитально, столь абсолютно зависела от психических особенностей и интеллектуально склада руководящей личности. Это для общества чревато страшными бедами.

Ленин, повторяю, видел эту чрезвычайно опасную, душашую инициативу масс, социальную болезнь – бюрократизм (которая сродни раковой опухоли). И самоотверженно искал от неё эффективных лекарств. «Я советовал бы очень предпринять ...ряд перемен в нашем политическом строе, - взволнованно писал он в «Письме» к

²⁸ Там же.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 180.

³⁰ Там же. Т.45. С. 15.

XII съезду партии. – Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными»³¹. К чему сводился этот предлагаемый Лениным «ряд перемен» (о которых он написал не только в «Письме к съезду», но и в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше»)?

1. Реорганизовать Рабкрин (рабоче-крестьянскую инспекцию, орган *государственного* контроля) – в целях «улучшения» работы госаппарата. Это - против бюрократизации госаппарата.
2. Увеличить число членов ЦКК (Центральная контрольная комиссия, орган *партийного* контроля). Против бюрократизации партийного аппарата. Рабкрин, объединённый с ЦКК, должен стать органом, не допускающим сосредоточение власти в партии и государстве в одних руках.
3. Увеличить число членов ЦК партии. Фактор большей устойчивости, снижающий возможность раскола.
4. Сместить Сталина с поста Генерального секретаря ЦК.

Увы, ожидаемого результата ленинские предложения не дали. Часть из них были отвергнуты сталинским руководством, их другая часть не приводила к *коренным* изменениям в политической системе.

Ведь нэп усиливал многообразие и разнообразие интересов социальных сил в обществе. И задача, следовательно, была – находить эффективные способы согласования интересов этих различных социальных слоёв, групп, классов. А это возможно, только если эти различные социальные силы будут иметь своих политических представителей, политические организации, формулирующие и защищающие эти интересы. Придётся, как следует, продумать и механизмы согласования

³¹ Там же. С. 343.

интересов, способы реализации согласованных ими программ действия. Это могут быть только *демократические* механизмы и способы. «Диктатура» таких механизмов не имеет. В ней доминирует «механизм подавления» - всех, кто не согласен с навязываемой обществу «генеральной линии» правящей партии.

Значит? Значит, следовало бы, по-видимому, «коренным образом» пересмотреть «всю точку зрения» не только на *экономическую* систему социализма, но и на «*диктатуру пролетариата*», на всю политическую систему, сложившуюся в период «военного коммунизма». **Нужна была, иначе говоря, по аналогии с Новой Экономической Политикой (НЭП) Новая Политическая Политика (НПП)! А не просто «ряд изменений» в политическом строе.** «Новая политическая политика», которая совершенно исключала бы слова: «Диктатура», «революционная целесообразность» и которая была бы теорией Новой Демократии и Правового Государства. Я представляю, насколько сложно было в тех, драматических, условиях 20-х годов придти к мысли о необходимости Демократии (вместо Диктатуры), насколько сложно было разработать концепцию Демократии применительно к российским условиям той поры и тем более воплотить её в жизнь. И всё же следовало бы, наверное, поискать приемлемых демократических форм, испробовать разные варианты, пусть иногда и рискованные.

Ещё раз: *экономическая демократия* нэпа нуждалась в помощи *политической демократии*. Фундаментальная экономическая реформа нэпа нуждалась в дополнении её фундаментальной же политической реформой. Предложенный Лениным «ряд политических изменений», шедших в общем и в целом в направлении демократизации общественного строя, эту фундаментальную задачу, однако, в полной мере не решал.

В это же время с важными советами-рекомендациями руководителям большевистской партии выступила Роза Люксембург:

- «Историческая задача пролетариата, когда он приходит к власти, — создать вместо буржуазной демократии социалистическую демократию, а не упразднить всякую демократию»³²;

- «Совершенно очевиден, неоспорим тот факт, что без свободной, неограниченной прессы, без беспрепятственной жизни союзов и собраний совершенно немислимо именно господство широких народных масс»³³;

- «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией»³⁴.

Красивые и мудрые слова. К ним стоило бы прислушаться тогдашним партийным вождям. Прислушаться, но не обязательно принять полностью. Ибо не всё так просто, как это представлялось знаменитой польско-немецкой революционерке. Да, в принципе демократия (самая широкая) — вещь желательная и необходимая для социалистического общества. Но насколько осуществимо это пожелание в первые послереволюционные годы? Неграмотный (или полуграмотный) человек, часто напоминал Ленин, он «вне политики». Низкая общая культура основной массы народа и нижайшая политическая

³² Люксембург Роза. О социализме и русской революции. М., Политиздат. 1991. С. 331.

³³ Там же. С. 326-327.

³⁴ Там же. С. 331.

культура российского населения той поры просто исключали их возможности участия в делах государственного управления. Если уж партии Февральской революции (поддерживаемые культурной буржуазией и интеллигенцией) не смогли, в силу отсутствия демократических традиций у россиян, установить действительную демократию, то что в этом плане можно было ожидать от неграмотных крестьян и малограмотной рабочей массы?

Но так что же, получается, что Демократия необходима и одновременно... невозможна? И, стало быть, единственная реальная альтернатива – административно-командная, авторитарная система, контролируемая бюрократией? Убеждён в необязательности такого развития событий. Но тогда – как? Это – ещё одна проблема в списке описанных выше проблем. Её тоже надо было решать, и она в принципе решаема, как это показали в своих работах Николай Иванович Бухарин (в конце 20-х годов) и Лев Давыдович Троцкий (в своих последних работах, когда для него многое прояснилось). Но об этом – чуть ниже.

После Ленина

(как ученики Ильича торили дорогу сталинизму)

Описав совокупность проблем, вставших перед страной после смерти Владимира Ильича, заметим, что осмысливать и решать их все надо было немедленно. И решив, надо было срочно и энергично действовать. Затяжка времени была чревата опасными и непоправимыми последствиями. Ибо предоставленные стихийному ходу события, без вмешательства в них политической силы и политической воли, подвигали страну к насильственным, авторитарным методам правления.

И что же политические вожди, что же главные теоретики и идеологи партии (те, что перечислены в Завещании Ленина) – как они реагировали на всю эту груду проблем?

А – никак. Они занялись другим. Они пытались решить другую (предварительную, но совершенно необходимую, по их мнению) проблему: не какова должна быть стратегия, не «что делать?», а – *кто* всё это будет делать, *кто* будет отвечать на вызовы времени и обстоятельств, *кто* будет вырабатывать стратегию, *кто* будет руководить её реализацией, *кто*, иначе говоря, займёт место, оставленное Лениным. Проблемы стратегического развития отодвинуты. На первый план вышла проблема борьбы за власть.

При этом не будем упрощать дело. Нередко исследователи сводят всё к столкновению амбиций людей, рвущихся к власти. Увы, всё обстоит гораздо сложнее. В партии сложилась *система*, которая делала такую борьбу *неизбежной*. Это не амбиции лидеров заводили этот процесс, это *система* двигала их, как марионеток в кукольном театре. Амбиции-то можно умерить, можно было бы поискать и найти компромиссы. Но *система* не давала такой возможности. Она была *бескомпромиссной*.

Это надо понять, об этом стоит сказать несколько поясняющих слов.

Когда возникают ряды сложнейших проблем, требующих решения, то нужно сосредоточение на них всех интеллектуальных сил партии. Начинается поиск. Ответы, ведь, не лежат на поверхности. Естественно в ходе такого поиска возникают различные точки зрения, разные варианты решения проблем. Требуется их обсуждение, требуется дискуссия. В таком теоретическом многоголосии постепенно кристаллизуются идеи и формулы, которые разделяет большинство участников. Так вырабатывается «единство». Это – процесс интеллектуальной демократии.

Но у партии есть решение X съезда (1921 г.) – о единстве партии или иначе: о запрете фракций. Вообще-то разумно – не допускать внутри партии создание группировок со своей идеологией, со своей внутренней – фракционной дисциплиной. Пусть тогда фракционеры выходят из партии

и создают другую, свою партию. Но это – «разумно» для демократического общества, где допускается многопартийность, идеологический плюрализм. Но «диктатура пролетариата» послеоктябрьской России была системой однопартийности. У нас «две партии, - саркастически улыбаясь, вещал Алексей Рыков, - одна – у власти, другая – в тюрьме» (не провидел тогда Алексей Иванович, что очень скоро он окажется в той «другой» партии; поменьше бы самодовольной иронии и побольше бы понимания реального положения дел!). В общем – никаких других партий. И «фракции», как некий зародыш многопартийности, были категоричны запрещены. Но, по сути, это был запрет не просто фракций, это был запрет на инакомыслие, на другие точки зрения (отличающиеся от тех, что спускаются с высших этажей партийной власти).

Говорили – на X съезде – что фракции подрывают-де единство и сплочённость партии. На самом же деле это решение подрывало жизнённость партии. Во-первых, «фракциями» можно было объявить (что постоянно впоследствии, при Сталине, и случалось) любую коллективную поддержку предложений, противоречащих «официальной точке зрения» цековского, направляемого Сталиным, большинства. А во-вторых (и это главное), в тех условиях «запрет фракций» был, повторяю, на деле запретом на инакомыслие, на выдвижение и обоснование альтернативных точек зрения. Заботились о «единстве». Но возникает вопрос: как и на чём это «единство» будет основано? На какой стратегии, на какой программе? Как вырабатывается стратегия, призванная обеспечить «единство»? Реально в тогдашней партийной практике это выглядело так. Узкий круг вождей (а, по сути, Ленин, когда он был во главе партии) разрабатывает эту стратегию и предлагает её партии. Ну, и что дальше? Поскольку дискуссии, другие точки зрения запрещены (как ведущие к созданию «фракций»), то идеи приходящей сверху стратегии

принимаются без особого обсуждения. Кто посмеет оспаривать предложения вождей - того (как «фракционера») вышибают из партии. Нелепейшая ситуация! А что если в предложениях вождей есть ошибки, которые следует исправить? Ведь сам же Ленин криком кричал – при выработке нэповской стратегии: мы наделали прежде массу серьёзных *ошибок*. И где же механизм их обнаружения, обсуждения и исправления? X съезд сделал всё, чтобы такой механизм не сложился. И Ленин, увы, защищал это решение. Вот так, ещё до прихода к власти сталинской команды, закладывались основы будущей Большой Беды. В стране – «диктатура пролетариата», всю её политику определяет целиком и полностью единственная в стране партия. Это означает (как признавали сами партийные вожди) «диктатуру партии». «Диктатура партии» (поскольку в ней многоголосие, инакомыслие запрещены) превращается в «диктатуру политбюро», та – в диктатуру группы доминирующих в ней вождей, группа выдвигает главного своего лидера - рождается режим единоличной диктатуры. Так формируется печальной памяти цепочка: диктатура пролетариата – диктатура партии – диктатура политбюро – диктатура господствующей в политбюро группы вождей – единоличная диктатура Вождя (пресловутый культ личности!). В общем, резолюция X съезда производит тяжёлое впечатление. И всё же она содержала лишь *возможность* сталинизма, но не его *неизбежность*. Не исключено, проживи Ленин подольше, продолжи руководить партией, резолюция съезда была бы им смягчена, а потом и вовсе пересмотрена. Основанием для такого предположения может служить ленинская концепция нэпа, знаменовавшая отказ от экономической *диктатуры* и переход к экономической *демократии*. Но как бы там ни было, резолюция эта была большой и несомненной ошибкой, закончившейся Большой Бедой – установившимся в 30-е годы диктаторским режимом.

И партийные лидеры, идеологи привыкли работать по логике той, закреплённой X съездом, *авторитарной системы*. Они не умели иначе. Они не знали, как можно иначе. Они начинают искать человека, который займёт то всеопределяющее место, которое занимал Ленин. А решаться это, по логике той *системы*, могло только борьбой, отчаянной борьбой за властное место, борьбой, в которой «все средства допустимы». Это борьба ещё больше закрепляла *систему*, которая, в конечном счёте, и привела к сталинизму.

Поучительно присмотреться к ходу этой борьбы.

Это была схватка умудрённых политических тяжеловесов. Они все стоили друг друга. Но, учитывая особенности партийной *системы* той поры (о которой мы выше писали), победить в этой схватке имел больше шансов наиболее среди них безнравственный, наиболее вероломный политик. И победитель этот имел далее возможность формировать будущий политический режим по образу своему и подобию.

Таким победителем оказался, в конце концов, как известно, Сталин. Поучительно проследить логику этой победы, пронаблюдать, как вползал тоталитаризм в жизнь нашей страны. Вползал поначалу не слишком заметно, но постепенно набирая силу и власть. Поучительно рассмотреть пути, этапы, формы этого постепенного расползания тоталитарной опухоли – дабы научиться распознавать первые симптомы этой губительной для социального организма болезни, дабы вовремя прибегнуть к политической химиотерапии, препятствуя проникновению метастаз в клетки общественного организма.

Итак, главные действующие лица: Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий – четвёрка вождей, особо выделенная в политическом завещании Ленина.

Каждый из них – вольно или невольно, кто в большей, кто в меньшей степени – внёс свою лепту в становление тоталитарной системы. И за маневрами каждого из них – в

целях извлечения уроков на будущее из их печального опыта – надо следить очень внимательно. Но особенно пристально имеет смысл следить за маневрами будущего победителя – Сталина, ибо его победа была самой большой Бедой для строительства свободного и справедливого общества в нашей стране, для судеб социализма в России и в мире.

Правда, поначалу Сталин всеми участниками схватки не рассматривался как главный претендент на ленинское кресло. Главным считал себя Григорий Евсеевич Зиновьев. А своего основного соперника он видел в Троцком, названном Лениным в завещании «наиболее способным человеком» в ЦК. «Менее способный», Зиновьев понимал, что в поединке «один на один» Троцкого ему не одолеть. Поэтому надо заручиться поддержкой тех, кто, как и он, боится и ненавидит Троцкого. Это, прежде всего, Каменев и Сталин. Втроём-то свалить Троцкого больше шансов. Будем размахивать жупелом «Единства партии» (как того требовал X съезд). И будет нашим лозунгом : Единство – во что бы то ни стало! А реально это «Единство» будет означать доминирование нашей «Тройки». У нас (у «Тройки») – большинство в политбюро. Сговорившись, дружно наступаем на Троцкого (поводы найти несложно!). Он во имя «Единства» должен подчиняться и подпевать нашему большинству, не перечая принимаемым этим большинством решениям. А фокус весь состоит в том, что Лев Давидович, мы это отлично знаем, не из тех, кто будет смиряться и прогибаться. Будет решительно, а то и резко отстаивать свою точку зрения. Тут мы его и подловим: «нарушение единства», попытка вести запрещённую X съездом «фракционную деятельность». А за это его можно вышибить не только из ЦК, но и вообще из партии (как это и предусмотрено решениями X съезда).

«Единством» будет заправлять сплочённая «Тройка». А внутри «Тройки» всё будет определять ещё более

сплочённая «Двойка» - старинные друзья, Зиновьев и Каменев. После низвержения Троцкого единственным и бесспорным лидером, конечно же, будет он, Григорий Зиновьев. Мягкий и интеллигентный Каменев – человек без особых амбиций, давно смирился с ролью младшего партнёра в их тандеме. Сталин? Ну, это хороший организатор, администратор, будет полезным помощником новому вождю партии.

Самонадеянный и нарциссирующий, Зиновьев легкомысленно и беззаботно полагал, что Сталин будет вполне доволен отводимой ему «новым вождём» ролью. Особенно всматриваться в него, младшего партнёра по «Тройке», Зиновьев не собирался. Всё же предельно ясно: он, Зиновьев, - новый вождь партии («новый Ленин»). Каменев, как и у Ленина, будет его замом. И Сталин, как и при Ленине, будет помогать новому вождю с организацией и администрированием. После низвержения Троцкого такой политический расклад будет совершенно естественен. Ведь, это он, Григорий Зиновьев, единственный из партийных небожителей, весь свой путь с 1903 года шёл рядом с Лениным. Единственный, кому доводилось быть ленинским соавтором. Это он вместе с Лениным скрывался от временного правительства Керенского в знаменитом «шалаше». И к ним (в том числе и к нему) прибывали тайные связные партии за советами и рекомендациями. И он, этакий глубокомысленный, как доктор Ватсон при Шерлоке Холмсе, отваживался давать советы, предварительно проконсультировавшись у Ильича. Но кто это знал, кто видел? Он был рядом с Лениным – «мы пахали!». Да, и имейте, пожалуйста, ещё в виду, что он – председатель Коминтерна – не только национальным, но и мировым революционным процессом заправляет! И в Питере (этой «колыбели революции») возглавляет партийную организацию, где единодушно, с глубочайшим почтением внемлют каждому его слову. А его ближайший

соратник, Лев Борисович Каменев, - он и в правительстве (во время болезни Ленина) главный, и возглавляет Московскую (столичную!) партийную организацию, где все эти Сталины, Молотовы, Ворошиловы состоят у него на партийном учёте. Да, вот и Отчётный доклад на первом (без Ленина) съезде делал именно он, Григорий Зиновьев.

Ну, и какие же ещё могут быть сомнения, что если не Троцкий, то именно он, он, Григорий Евсеевич Зиновьев, и есть «второй Ленин»?

Только надо фундаментально разобраться с Троцким.

И разборка началась. Не в честной открытой полемике, не в содержательных дискуссиях о путях развития страны, а в формах – мерзких и подлых. В формах, которые торили дорогу к столь же мерзкой и подлой политической системе. Но обо всём по порядку.

Прежде всего, надо как-то исподтишка мелочными, но чувствительными уколами и придирками уязвлять самолюбие Троцкого. Заставить его горячиться и нервничать, и в итоге спровоцировать его на неосторожные и скандальные шаги.

Начала «Тройка» с того, что стали выжигать политическое пространство вокруг Троцкого. Решили «реформировать» Реввоенсовет, вотчину и любимое детище Льва Давыдовича, основной ресурс его политической силы. Сговорились друзья в «Тройке» - и по их указке на Пленуме ЦК 22 сентября 1923 года постановили осуществить кадровую чистку Реввоенсовета – ну, разумеется, в целях совершенствования его работы. Отстранили, без согласования с Троцким, его ближайшего помощника и друга И.Н. Смирнова с поста управляющего военной промышленностью. И стали проталкивать на его место креатуру Зиновьева – Лашевича. Да ещё предложили для «укрепления» ввести в РВС ряд товарищей, среди которых враждебные Троцкому – Орджоникидзе, Ворошилов, Сталин.

Расчёт «Тройки» на вспышку Троцкого полностью оправдался. Ему, «создателю Красной Армии» (по слову Ленина), блистательно руководившему ею в гражданской войне, навязывают людей, за которыми он не признавал и не признаёт никаких военных талантов! Троцкий заявляет, что «отказывается нести ответственность за военное дело». И хлопнув дверью, покидает Пленум. Лицемерная «Тройка» готова по-товарищески успокоить разнервничавшегося председателя Реввоенсовета, готова даже пойти навстречу и ещё раз обсудить сделанные предложения. Формируется даже делегация, которой поручается «убедить тов. Троцкого вернуться». И терпеливо ждут возвращения, прекрасно понимая, что тот не вернётся – характер Льва Давыдовича известен! Зиновьев торжествует. «ЦК считает, что тов. Троцкий поступил неправильно, отказавшись исполнить просьбу ЦК о возвращении на заседание».

Отлично! Начало компрометации Троцкого положено: ЦК осудил «тов. Троцкого»!

И ожидавшееся продолжение немедленно последовало. Троцкий (8 октября 1923 г.) направляет в Секретариат – для рассылки членам ЦК и ЦКК «письмо-платформу». Он поднимает сравнительно частный вопрос – о кадровых подвижках в РВС – на принципиальную высоту: «Мы видим... резкое ухудшение внутривнутрипартийного положения... и возросшую оторванность ЦК от партии». И далее: «Крайнее ухудшение внутривнутрипартийной обстановки имеет две причины – а) в корне неправильный и нездоровый внутривнутрипартийный режим и б) недовольство рабочих и крестьян тяжёлым экономическим положением, которое сложилось не только в результате объективных трудностей, о и в результате явных коренных ошибок хозяйственной политики».

Это уже серьёзно: не о каком-то там частном кадровом конфликте идёт речь, а о «в корне» «нездоровом

внутрипартийном режиме» и о «коренных» ошибках в хозяйственной политике.

Зиновьев снова доволен: «фракционное» противостояние Троцкого Центральному Комитету разгорается! Но особенно доволен (хотя и тщательно скрывает это) товарищ Сталин: ему по душе столкновение Зиновьева с Троцким. Сам он пока не выходит на первый план. В засаде. Пусть пока Зиновьев с Троцким как следует помутузят друг друга, пусть покомпрометируют друг друга – они умеют наносить тяжёлые удары. Вот тогда-то из тени, из засады и выйдет неskomпрометированный, «белый и пушистый» человек – он, Сталин.

Но сегодня Зиновьев доволен. Кто там «в засаде», кто «в тени» - это его мало волнует. Все козыри сейчас в его руках: с помощью «Тройки» и поддерживающего её ЦК он, конечно, Троцкого свалит.

Но вскоре выясняется, что всё не так просто, и лёгкой, быстрой победы у Зиновьева не получится. Придётся ещё немало помучиться.

Всё дело в том, что Троцкий уходит от подковёрных игр, начатых «Тройкой», и беспринципной грызни за власть. Он вводит дискуссию в содержательное русло, высвечивает действительную проблему, требующую очень серьёзного обсуждения – проблему внутрипартийной Демократии. Вскоре после «осудившего» его Пленума (8 октября 1923 г.) он пишет письмо-манифест в ЦК для рассылки его членам ЦК и ЦКК. «Мы видим... резкое ухудшение внутрипартийного положения... и возросшую оторванность ЦК от партии». Неслабое начало! И далее: «Назначение (а не выборы – Г.В.) секретарей губкомов стало теперь правилом. Это создаёт для секретаря независимое, по существу, положение от местной организации». «Создаваемый сверху вниз секретарский аппарат, всё более и более самодовлеющий, стягивает к себе все нити. Участие партийной массы в действительном формировании

партийной организации становится всё более и более призрачным. Создаётся весьма широкий слой партийных работников, входящих в аппарат государства или партии, которые начинают отказываться от собственного партийного мнения, по крайней мере, открыто высказываемого, как бы считая, что секретарская иерархия и есть тот аппарат, который создаёт партийное мнение и партийные решения». Это сильные и серьёзные обвинения. И громкий призыв в заключение: «Секретарскому бюрократизму должен быть положен конец. Партийная демократия ...должна вступить в свои права. Низы партии должны в рамках партийности высказать, чем они недовольны и получить действительную возможность ... создавать её организационный аппарат».

Как оценить этот шаг Троцкого? Ну, прежде всего, это – чрезвычайно важная констатация. Троцкий открыто и громко предупреждает партию: если будет сохраняться и тем более усиливаться «секретарский бюрократизм» (то есть не-демократический, авторитарный режим), то ждите большой Беды. И он пытается поставить первый барьерчик на пути скатывания страны к тоталитаризму.

Заметим, однако, это пока довольно низкий и довольно слабый барьерчик. Троцкий всё время ведёт речь о необходимости *внутрипартийной* демократии. Это очень важно, очень нужно, но и очень... недостаточно. У Троцкого нет ни слова, ни намёка о необходимости Демократии не только внутри партии, но и за её пределами – о демократии в обществе. Как-то получается, по Троцкому, что внутри партии хорошо бы создать Демократию, а вот общество пусть продолжает жить в условиях Диктатуры – Диктатуры «пролетариата», перерастающую, впрочем, в Диктатуру бюрократии. Ни слова не говорит он и о необходимости изменении роли партии в обществе, о создании *демократического* взаимодействия партии и общества. Троцкий, по сути,

выступает этаким «полудемократом», сторонником, как бы сегодня сказали, «номенклатурной демократии», то есть демократии для номенклатуры, для членов правящего сословия. И не отдаёт себе отчёта, что не может быть демократически организованного *руководства* в недемократическом обществе.

И ещё одна ограниченность троцкистской концепции «внутрипартийной демократии». Троцкий полагает, что «внутрипартийная демократия» может сочетаться с решением X съезда о запрете «фракций» (равносильном запрету на инакомыслие). Ему не приходит в голову потребовать отмены недемократического решения X съезда. Получается, в итоге, что Троцкий даже не «полудемократ», он – лишь «четверть-демократ». И всё же эта позиция симпатичней позиции авторитарной «Тройки», но, повторяю, недостаточная. «Четверть-демократы» не способны по-настоящему защитить общество от авторитарных тенденций и структур. Ибо они всё же сами – «на три четверти» авторитаристы. И поэтому частенько идут на компромисс с авторитаристами.

Члены авторитарной «Тройка», отражая интересы набирающей силы бюрократии, сами не против быть «немного демократами», но только «в кругу своих братишек». Они готовы в своём кругу потерпеть «четверть-демократов» при условии, что все их «демократические» дискуссии будут сугубо «внутрипартийными», а ещё лучше – внутрицековскими. Чтобы их разговоры не выходили на широкую публику, чтобы эта публика не могла вмешаться в жизнь бюрократических небожителей, чтобы она не претендовала на участие в управлении обществом и страной, чтобы не пробудились в «низах» демократические инстинкты. Стремилась укрыть дискуссию за кремлёвскими стенами, и в закрытом наглухо бюрократическом пространстве найти компромисс в отношениях группировок правящего сословия. Хотели этого и поддерживающие

«Тройку» цековцы, и сторонники Троцкого. Пламенный (в то время) сторонник Троцкого Карл Радек настоятельно предлагал действовать следующим образом: «Политбюро запрещает дискуссию, печатание платформ. Письмо тов. Троцкого не рассылает даже членам ЦК. Только в случае созыва Пленума члены ЦК получают возможность ознакомиться с письмом в порядке секретной папки». Такими вот «демократами» были товарищи троцкисты. Заводить «секретные» (от народа) папки – таким было и встречное желание зиновьевцев. Каменев, «во имя сплочённой и дружной работы» в политбюро обращается к троцкистам и к своим неуёмным сторонникам по «Тройке» с предложением «собраться» у него «на квартире», и совместно определить, какие шаги следует предпринять обеим сторонам. Поддержали «своего коллегу» и товарищи по «Тройке»! И Троцкий тоже согласился: что ж, давайте попробуем...

В начале ноября встретились. Обсудив ситуацию, поняли, что скрыть от общественности раздоры на высших этажах власти уже не удастся: письмо-платформа Троцкого и поддерживающая её петиция 46-ти уже разошлись по городам и весям. Досадно, но надо попытаться сохранить видимость единства. Придётся немного уступить Льву Давидовичу и одновременно перехватить у него популярную в партийных (и не только партийных) кругах инициативу по развитию «внутрипартийной демократии». «Тройка»-де тоже чтит демократические принципы.

И 7 ноября в «Правде» - статья Зиновьева «Новые задачи партии». Кандидат в новые вожди партии предлагает обсудить «те практические мероприятия», которые позволили бы вдохнуть жизнь во внутрипартийную демократию, облечь её «плотью и кровью». Так что все могли увидеть, что не один тов. Троцкий печётся о расширении демократических начал. И тов. Зиновьев – тоже.

Полагали: под контролем ЦК выпустят пар из перегревающегося общественного котла, и всё вернётся на круги своя. Но ошиблись: выпустили не пар из котла, а джина из бутылки, демократического джина. «В конце ноября, - констатирует историк К.Н. Писаренко, - статью Зиновьева и дискуссионные материалы «Правды» принялись обсуждать в столичных ячейках, в декабре волна дискуссии докатилась до провинции. И практически везде люди единодушно голосовали за расширение демократии. Более того, часто выражали сочувствие тем, кто на октябрьском Пленуме подвергся остракизму, то есть Троцкому и сорока шести петиционерам»³⁵. «Тройка» полагала, что сможет «управлять» демократическим процессом – может, по своему желанию, расширять или сужать, а то и вовсе останавливать демократическую тенденцию. И снова ошиблась: демократия не может быть «управляемой». «Управляемая демократия» - это не демократия. Это – разновидность авторитарной системы.

Демократия враждебна бюрократии. И потому, выражающая интересы бюрократического сословия «Тройка» ищет способы и благовидные предлоги для пресечения развёртывающейся демократической дискуссии. Выступить открыто против самого факта дискуссии? – Это вызовет удивление и протест рядовых партийцев, тем более, после статьи Зиновьева. Нет, надо представить себя поборниками внутрипартийной демократии, но каким-то ловким маневром существенно ограничить её, объявить её «демократическим помешательством». И вот 7 декабря «Правда» публикует «Резолюцию ЦК и ЦКК РКП(б) о партстроительстве». Удивительная резолюция! Ну, вначале идёт провозглашение (лицемерное, разумеется!) партийного курса на рабочую демократию - «свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, свободу дискуссий по ним, а также

³⁵ Писаренко К.Н. Тридцатилетняя война в политбюро. 1923-1953. М., Вече, 2006. С. 96.

выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху». Превосходно! Но маленькое добавление, которое напрочь разрушает эту красоту: запретить «свободу фракционных группировок, которые для правящей партии крайне опасны, ибо всегда грозят раздвоением или расщеплением правительства и государственного аппарата в целом». И тут снова прав К.Н. Писаренко: «Ясно, что данный акт был изначально мертворождённым актом, ибо содержал в себе взаимоисключающие решения, одновременно допускающие и воспреещающие свободу прений и выборов»³⁶. Именно так: ведь всякое инакомыслие, поддерживаемое сочувствующими людьми, легко назвать «фракцией» и категорически его запретить.

Таким образом, проведённый по инициативе Каменева разговор «в кругу своих братишек» результата не дал, он привёл не к компромиссу, а, по сути, к победе одной из сторон – «Тройки», своим запретом на инакомыслие перечеркнувшей все надежды на расширение демократических начал, на обсуждение предложений Троцкого и его сторонников. Но Троцкий – есть Троцкий. Он не мирится с попытками «Тройки» заткнуть ему рот во имя «единства партии» и «социальной стабильности». 8 декабря 1923 года он через головы «Тройки» и послушного ей ЦК обращается ко всем членам партии с посланием «Новый курс».

Лейтмотив «Нового курса»: «Долой аппаратный бюрократизм – “один из важнейших источников фракционности”!». И - конкретная программа борьбы с этим «аппаратным бюрократизмом»: «обновление партийного аппарата ... должно быть произведено с целью замены оказёнившихся и обюрократившихся свежими элементами, тесно связанными с жизнью коллектива или способными обеспечить такую связь. И прежде всего должны быть устранены с партийных постов те элементы,

³⁶ Там же. С. 99.

которые при первом голосе критики, возражения, протеста склонны требовать партбилет на предмет репрессий. Новый курс должен начаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали, снизу доверху, что никто не смеет терроризировать партию».

Как будто бы неплохо сказано. И по сравнению с авторитарной «давиловкой» «Тройки» это, действительно, неплохо – протест против «репрессий» в ответ на «критику», протест против зажима демократических тенденций. И всё же – это слабая, половинчатая позиция, в целом остающаяся внутри авторитарных рамок, способная несколько расширить и смягчить эти рамки, но не способная их разрушить. Здесь всё время идёт речь не о демократизации жизни, общества, а о демократизации лишь «аппарата», о демократизации *партийной* жизни. И для Троцкого, как и для «Тройки», враг номер один – «фракционность». Вот и с «аппаратным бюрократизмом» он призывает бороться потому, что он – «один из важнейших источников *фракционности*», потому что он, таким образом, нарушает решение X съезда. Подняться до того, чтобы потребовать отменить недемократическое решение X съезда, чтобы поставить вопрос о расширении не только «внутрипартийной», но и общегражданской демократии Лев Давыдович пока не может. И потому его ратование за «демократию» сводится, главным образом к замене откровенно авторитарных деятелей более «демократическими» – как мы их называли, «полудемократами» и «четвертьдемократами». Снова: программа Троцкого не панацея от сползания к тоталитаризму.

Но громким вызовом авторитарной «Тройке» она является. И именно это подвигло Зиновьева к тому, чтобы атаку на Троцкого вывести на новый уровень. Он, в панике, пишет письмо своим соратникам: «Они (троцкисты – Г.В.) действуют по всем правилам фракционного искусства. Если

мы немедленно не создадим своей настоящей архисплочённой фракции – всё пропадёт. Я предлагаю этот вывод сделать в первую очередь. Я предлагаю завтра (в воскресенье) собраться специально по этому вопросу, - может быть у Сталина за городом или у меня. Промедление смерти подобно. 8/ХП.23. Г. Зиновьев».

Собрались. Столковались. И вот Зиновьев на Пленуме ЦК 14 января 1924 года: «Мы не можем управлять партией, не можем править Россией, если будут легализованы фракции». И в унисон ему – Каменев: «Мы, как правящая партия не имеем права допускать фракционных группировок»³⁷.

Вот ведь как получается. «Мы» - за решение X съезда о запрете фракций, «мы не имеем права допускать фракционных группировок». И... предлагаем «создать» (в борьбе против Троцкого) «архисплочённую фракцию». Вам понятна эта логика?

Мне – абсолютно понятна. Это – логика макиавеллистов: если мне, если нашему чиновническому сословию что-то выгодно – то плевать нам на решение каких-то там съездов. Цель оправдывает средства!

И - странные ко всему этому комментарии уже упоминавшегося нами историка К.Н. Писаренко (у него неплохое изложение фактической канвы событий, но вот комментарии – иногда точные, толковые, а иногда в высшей степени странные). «Теперь обе стороны, - пишет он, - готовились биться если не на смерть, то уж точно до победного конца. Одни хотели отстаивать принципы демократии. Другие спасти от краха государство»³⁸. Странное противопоставление. Потому что по-настоящему спасти государство от краха можно только с помощью демократии. Не-демократические, авторитарные и тоталитарные меры «спасения» приносят лишь временную

³⁷ Там же. С. 101

³⁸ Там же. С. 101.

«стабильность», а заканчиваются, как показали события в нашей стране на рубеже 90-х годов прошлого века, полным и впечатляющим крахом.

Писаренко – не на стороне демократии, он на стороне тех, кто собирается спасти страну от краха недемократическими методами. И потому очень одобрительно относится к намерениям этих «спасителей»: «дебаты в ячейках надо погасить немедленно любыми средствами», «собрать в кулак наличные силы, выдвинуть в противовес лозунга Троцкого (о необходимости расширения внутрипартийной демократии - Г.В.) собственный, более «крепкий» лозунг и, не брезгуя ничем, постараться перетянуть огромное число колеблющихся на свою сторону»³⁹. Главное – «не брезговать» раздачей этим «колеблющимся» тёплых номенклатурных местечек с хорошими зарплатами и приличными привилегиями (чем активно и занимались, в силу занимаемых постов, имеющие такие возможности члены «Тройки»). И так же с нескрываемым удовольствием Писаренко фиксирует итог всех этих событий: «Официально черту под двухмесячными прениями подвели Пленум ЦК (14-15 января) и XIII всесоюзная партконференция (16-18 января). Участники форумов (облагодетельствованные руководящей «Тройкой» - Г.В.), просто констатировали победу одной и поражение другой (троцкистской – Г.В.) фракции (лишённой счастливой возможности манипулировать партийными кадрами – Г.В.)... На этом первая дискуссия в ВКП(б) закончилась». 106-107

Давайте подведём итоги увертюры политического спектакля, разыгранного по нотам Григория Зиновьева. Вначале – о членах «Тройки».

Зиновьев. Он более или менее успешно решил часть поставленной перед собой задачи. Вследствие его (главным образом) усилий репутация Троцкого основательно

³⁹ Там же. С. 101-102.

подмочена. Он заклеимлён цековской публикой, как упорствующий «фракционер» (что, с позиций X съезда, является серьёзным партийным преступлением), некоторые товарищи из Политбюро ЦК пытаются даже примерять к нему звание «врага партии». Осталось только *добить* его. Найти какие-то дополнительные аргументы для исключения его из Политбюро и ЦК. Всё-таки его борьба, хотя и «фракционна», но за дело, которому симпатизируют в партии многие – за «внутрипартийную демократию». Это на суровую – исключение - не тянет. Нужны найти какие-то более весомые основания для его устранения из партийного ареопага. И этот поиск даёт содержание следующему действию политической драмы.

Отметим также, что личный «успех» Зиновьева – это и успех начавшейся расползаться по обществу тоталитарной заразы, и одновременно – поражение демократических тенденций (хотя и в скромных формах, защищавшихся Троцким и сорока шестью петиционерами). Эта «зараза» проявлялась в методах борьбы, которые использовали Зиновьев и его друзья по «Тройке» - методы маленьких и больших провокаций, тайных сговоров за спиной ЦК, подбора лично преданных «Тройке» кадров и расстановки их на ключевые партийные посты, лицемерных заявлений о необходимости неукоснительного следования решениям X съезда, запретившего фракции, и создании своей тайной фракции «Тройки», лексики, далеко выходящей за пределы делового партийного товарищества, с применением к оппонентам ярлыка «враги»...

Зиновьев полагал, что он делает шаги к креслу Ленина, тогда как, в действительности, он делал шаги (и достаточно серьёзные) к ... тоталитарной системе, которая вскоре и его самого уничтожит.

Каменев. Ну, этот товарищ послушно плёлся в фарватере своего энергичного друга.

Сталин. Он пока в тени Зиновьева. Поддерживал его в нападках на Троцкого. Но поддерживал достаточно осторожно, всё время умеряя зиновьевскую агрессивность. Зиновьев всё подбивал своих коллег возможно скорее (иначе – «смерти подобно») выкинуть своего соперника из Политбюро и ЦК. А Сталин не соглашался. Он – за то, чтобы, не отказываясь от критики в адрес Троцкого, оставить его, между тем, и в Политбюро, и в ЦК. Троцкий – важный ресурс партии, такими людьми не разбрасываются. Зиновьев направлял всю свою неуёмную энергию на решение *личной* проблемы – уничтожение конкурента в борьбе за ленинское кресло. Сталин демонстрировал заботу об общем партийном деле – чтобы, как советовал Ленин, не доводить дело до разрыва и раскола. И эта умело разыгрываемая сдержанность вызывала симпатию партийцев, не слишком знакомых с внутренней кухней схватки лидеров.

И, наконец, Троцкий. Его позиция, конечно, более симпатична, чем позиция Зиновьева. Он всё-таки выступает за демократию. Пусть ограниченную рамками партии, но всё же – за демократию, за право члена партии иметь собственное мнение, отстаивать его в дискуссиях, искать и находить единомышленников, с которыми можно вместе отстаивать свои взгляды. Зиновьев – за *авторитарное* лидерство руководителей. Троцкий – за демократические отношения с товарищами по партии, за их осознанное отношение к тем или иным позициям лидеров. Троцкому нужны самостоятельно мыслящие люди, Зиновьеву – не рассуждающие, послушные исполнители.

Расширение внутрипартийной демократии, за которую ратовал Троцкий, было бы несомненным шагом по пути демократического развития страны.

И всё же надо видеть ограниченность его демократических устремлений. Он готов быть «демократом» только внутри рамок партии. Он совершенно

не поднимает вопрос о демократии гражданского общества, он не ставит вопрос об изменении роли партии в её отношении с обществом. Для него, как и для Зиновьева, в обществе должна существовать диктатура (диктатура, лукаво именуемая диктатурой «пролетариата», хотя на деле «пролетариат» этот никакой существенной роли в управлении страной не играет; всё в руках партии, которая всё больше превращается в аппаратно-бюрократическую машину). Его высказывания той поры о партии (например, на XIII съезде, 26 мая 1924 г.) просто невозможно читать без изумления: как такой умный человек и выдающийся социалистический теоретик может говорить этакое: «Никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии. Партия в последнем счёте всегда права». Классическая формула тоталитарного мышления! Сталин мог бы взять её на вооружение.

Таковы итоги политической «увертюры» к спектаклю, замысленному Зиновьевым. Итоги невесёлые: укрепляется авторитарный стиль жизни партии, всё громче звучат призывы во имя «сплочения» к ужесточению Диктатуры во всей жизни общества. Но точка невозврата к возможной в обществе и партии Демократии ещё не пройдена. Её пройдут, когда «добьют» нарушающих единый, монолитный строй Троцкого и поддержавших его 46 видных петиционеров, поднявших волну разговоров о какой-то там «демократизации внутрипартийной жизни». Добьём, мыслит «Тройка», – и тогда прекратятся всякие разговоры о «демократии» и наступит полное господство Диктатуры (которую назовём «диктатурой пролетариата», понимая под этим «Диктатуру партии», а ещё точнее «Диктатуру политбюро» и уж совсем точно – диктатуру возглавляемого политбюро «нового Ленина», то бишь товарища Зиновьева Григория Евсеевича, чьим именем уже сегодня, при его жизни, названы города, посёлки, школы, фабрики и заводы).

Во имя всего этого и требовалось «добить» товарища Троцкого, стоящего на пути к Диктатуре. Добить окончательно и навсегда – выбросив его из политбюро, из ЦК, а там – и из партии (до того, чтобы этого «товарища» арестовать и расстрелять – до этих высот мысль членов «Тройки» пока не поднималась). Вот тогда-то и получит «Тройка» безраздельную власть, и всякие оппозиционные голоса будут устранены. И восторжествует «сплочённость» и «монолитное единство» партийных рядов. И поднимут эти «ряды» над головами портреты тов. Зиновьева.

И «добивание» это пошло по всем тем канонам, которые в самом ближайшем будущем унаследуют сталинцы и, опираясь на которые, будут добивать уже всю старую большевистскую («ленинскую») гвардию, включая и создателей этих канонов – Зиновьева и Каменева.

Но не будем забегать вперёд. Пока эти два «старых большевистских» друга – во главе атакующих. Они пока не «уничтожаемые», а «уничтожающие» - методами «Диктатуры пролетариата» (власти, как они не устают подчеркивать, опираясь на традиционные марксистские формулы, опирающейся не на «закон», а на «непосредственное революционное насилие», на некую «революционную целесообразность» (свободную от всяких морально-нравственных ограничений).

А по-настоящему, основательно, до конца добить Троцкого означает представить его не просто оппозиционером (да ещё в сфере защиты «внутрипартийной демократии», чему многие в партии сочувствуют), но – внимание! – «врагом Ленина, «врагом ленинизма» (тогда ещё не была изобретена знаменитая впоследствии кликуха – «враг народа»; но клеймо «врага» уже всю лепили на Троцкого и его сторонников; оставалось только добавить «народа», что, продолжая зиновьевско-каменевскую традицию, с садистским наслаждением делали потом

сталинские соколы, все эти Вышинские, Ульрихи, Крыленки...).

Правда, пока ещё не были изобретены повальные аресты и пытки, пока ещё теплились в части партийных рядов некоторые нравственные заповеди, выдавать Троцкого за «врага» Ленина и ленинизма было делом очень непростым.

Ведь, кажется, кто мог поверить в эту чушь, в эту нелепицу? Все же знают, и это ещё при Ленине было растиражировано всей послеоктябрьской большевистской прессой, что на всех решающих этапах борьбы за новую жизнь Троцкий всегда был рядом с Лениным. Всем известна ленинская характеристика Троцкого в период подготовки Октябрьского переворота, как «лучшего большевика». После победы в Октябре Ленин, как известно, предложил Троцкому возглавить революционное правительство (от чего Троцкий отказался, будучи убеждён, что возглавить Советское правительство должен главный творец Октября – Ленин; получил пост наркома по иностранным делам). Он – создатель Красной Армии, блистательно руководивший ею в тяжелейшие годы гражданской войны. И никому, только Троцкому, Ленин дал потрясающий документ, свидетельствующий о *безграничном* его доверии ко Льву Давидовичу - заранее подписанный чистый бланк с фразой: «Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов (Ленин)». И в самом конце жизни по самым острым и сложным вопросам Ленин неизменно обращался, главным образом, к Троцкому, справедливо рассчитывая на его поддержку – и по вопросу о необходимости защиты монополии внешней торговли, против чего выступали сталинцы, и по национальному вопросу (где Ленин обрушился с сокрушительной критикой на Сталина и

Орджоникидзе за их великодержавную политику на Кавказе). И именно с Троцким Ленин договаривался о «коалиции» для борьбы против административно-командного, бюрократического стиля работы, характерного для сторонников Сталина, для смещения Сталина с поста генсека. И в своём Завещании Ленин назвал Троцкого «самым способным человеком в политбюро». Да, и вообще все уже привыкли, как к само собой разумеющемуся, завершать все свои собрания, митинги, конференции, лозунгом: «Да здравствуют наши вожди – Ленин и Троцкий!».

И вот такого-то человека представить ВРАГОМ Ленина и ленинизма! Абсурд полный! А без такого клейма «добить» этого человека не получится.

И вот пошли в ход всякие подлые штучки: инсинуации, клеветнические измышления, передёргивание фактов, прямая и косвенная ложь – всё то, что станет привычным методом шельмования и уничтожения инакомыслящих во времена сталинщины.

Так откопалась одна хорошая, просто замечательная зацепка. Извлекли из эпистолярной архивной пыли письмо (1913 года) Троцкого – Чхеидзе (одному из видных меньшевиков), в котором он весьма нелюбезно высказывался о политике Ленина. Была в те времена вражда двух течений в русской социал-демократии – большевиков и меньшевиков. И Троцкий тогда полагал, что в преддверии острой схватки с царизмом это противостояние двух течений должно быть преодолено: социал-демократы должны быть *единой* партией, иначе победа невозможна. Ленин же был непреклонен: победить может только подлинно *революционная* партия, меньшевики же ближе к *реформистам*; союз с ними не усилит, а ослабит революционные ряды. И Троцкий впоследствии открыто и прямо (хотя никто его к этому не понуждал) признал, что прав был не он, а Ленин: «Я шел к большевизму долгими и

сложными путями. На этих путях у меня не было других интересов, кроме интересов революции и пролетариата. Я боролся с ленинизмом, когда был убежден, что ленинизм неправильно раскалывает рабочий класс. Когда я на опыте годов понял свою ошибку, я пришел к ленинизму». Троцкий был *честным* революционером. «Я шёл к Ленину с боями откровенно», - писал он. Шёл путём тяжёлых поисков, раздумий, споров и дискуссий. (И такой путь, может быть, не менее, а то и более ценен, чем путь постоянной оглядки на идеи лидера, путь слепой веры в эти идеи, не особенно вникая в их суть, не чувствуя ни их глубины, ни тонкостей, путь приспособления к лидеру). И, в конце концов, к апрелю 17 года Троцкий «пришёл» к Ленину с полным сознанием его правоты, завершением чего стало вступление Троцкого и его единомышленников («межрайонцев») в большевистскую партию.

Да, «зацепка» у Зиновьева и Каменева была не выдуманная, реальная. И вроде бы их нельзя упрекнуть в непорядочности, в приписывании Троцкому того, что он не совершал (как это было сплошь и рядом по отношению к репрессированным в 30-е годы). Троцкий, действительно, писал то письмо Чхеидзе, он, действительно, в том письме нелюбезно отзывался о Ленине. Но подлость зиновьевско-каменевского метода борьбы состояла в том, что они переносили тот, давний, характер отношений Троцкого и Ленина на весь послеоктябрьский период, заявляя, что Троцкий всегда был и остаётся теперь врагом Ленина и ленинизма. Только эту свою враждебность он сегодня камуфлирует уважительными по отношению к Ленину фразами. Но осталась неизменной суть этих отношений, выраженная в том письме. Вот это было большой и гнусной ложью. Ибо те давние разногласия давно были преодолены, давно сошли на нет. Они не имели никакой связи с современностью. «Неужели ныне, в конце 1924 года, - писал Троцкий, - правильно и добросовестно

сообщать партии одни лишь отзывы дореволюционных годов, ничего не говоря об отзывах, выросших из совместной работы и борьбы?», «неужели Ленин говорил и писал только то, что собрано у тов. Каменева?», «неужели у Ленина не было других отзывов на основании опыта годов революции?»⁴⁰. Они-то, Зиновьев и Каменев знали, что – было. А вот новое, молодое, послеоктябрьское поколение партии, не слишком хорошо знающее её прошлое, содержание, ход и исход дореволюционных дискуссий, было ошарашено и дезориентировано комментариями уважаемых лидеров партии – Зиновьева и Каменева – к тому, давнему письму Троцкого. Они внушали новому поколению партийцев, что Троцкий лицемер и иезуит. Делает вид, что ценит и уважает Ленина, тогда как действительное его отношение к Владимиру Ильичу – в том письме.

В общем, гнусная история. Правда, пару лет спустя, когда сталинцы начали «бить» и «добивать» самого Зиновьева, он покаялся перед Троцким, заявив, что его обвинения ему были надуманными. В 1926 году Троцкий обратился к Зиновьеву на одном из фракционных совещаний: "Если бы я не опубликовал "Уроков Октября", имела бы место так называемая литературная дискуссия против "троцкизма" или нет?». Зиновьев без колебаний ответил: «Разумеется. "Уроки Октября" были только предлогом. Без этого повод дискуссии был бы другой, формы дискуссии несколько другие, но и только". Пятаков резюмировал услышанное им заявление Зиновьева в следующих словах: «"Троцкизм" был выдуман для того, чтобы подменить действительные разногласия мнимыми, т. е. разногласиями, взятыми из прошлого, не имеющими никакого значения теперь, но искусственно гальванизированными...».

Покаялся Зиновьев, но... поздно. Дело было сделано. Ложь и клевета, методы шельмования, к которым прибегал

⁴⁰ Троцкий Л. Наши разногласия. Архив Троцкого. Том 1. М., ТЕРРА, 1990. С. 116.

Зиновьев, становились привычными в борьбе с инакомыслящими. Травля им Троцкого была сродни ежовско-бериевским процессам 30-х годов. Конечно, ещё не в таких, как в 30-е годы, кошмарных формах. Кошмары начнутся потом. Но это ежовское «потом» органически вытекало из зиновьевского «сейчас».

Вместе с тем, надо сказать, что в этой схватке, участники которой торили дорогу сталинизму, и Лев Давидович был не без греха. И он тоже, объективно, не желая субъективно того, поспособствовал рождению сталинизма. Хотя, конечно, «грех» Троцкого много меньше «греха» его преследователей. В отличие от Зиновьева и Каменева, он ничего не «додумывал», ничего не «домышлял» за них. И акцент в своей критике их позиций делал не на «делах, давно минувших дней», а на их позициях, значительно более близких к современности. Но всё же, в целом, он действовал по логике существовавшей в те поры недемократической, диктаторской системы, и тем поддерживал и укреплял её. Так, он пишет «Уроки Октября», основной смысл которых покрепче ударить по Зиновьеву и Каменеву, в подробностях поведав об их штрейкбрехерстве в канун Октябрьского переворота. Ленин в своём Завещании напомнил об их тогдашнем поступке (публикация в одной газете статьи с разглашением секретного решения ЦК большевиков о готовящемся вооружённом восстании и с выражением своего несогласия с этим решением). И напомнив об этом, Владимир Ильич, однако, просит сегодня не ставить им это в вину (ошибка была ими исправлена!).

А Троцкий взял и поставил. И таким образом клеймо «врагов Ленина и ленинизма» было Троцким поставлено и на них. Конечно, критика Троцким поступка Зиновьева и Каменева имела более серьёзное оправдание. Ведь речь в ней шла о совсем недавнем прошлом и о действительно переломным моменте в борьбе большевиков за власть.

Подразумевалось: людям, струсившим в решающий момент революционной борьбы, людям, способным на предательства, нельзя доверять дирижёрскую палочку по руководству обществом – не туда заведут! И всё же он в обоснование такого утверждения воспроизводит поступок семилетней давности, совсем не касаясь того, исправлена ли, осознана ли ими та ошибка. Не перестала ли она быть актуальной сегодня? Говорить об их сегодняшней несостоятельности, опираясь на факт семилетней давности, нелогично и неубедительно. И это выдаёт стремление Троцкого просто скомпрометировать своих оппонентов. Здесь нет заботы о решении проблем, перед которыми стоит общество.

Вообще ни Зиновьев, ни Каменев, ни Троцкий – они не злодеи и не примитивные честолюбцы, стремящиеся к власти во что бы то ни стало (как часто их представляют современные историки). Они – продукт и жертвы той политической (диктаторской, бюрократической) системы, которая сложилась в первые послеоктябрьские годы и вопрос об изменении которой они так и не догадались поставить. Они были совершенно искренне убеждены, что только Диктатура («пролетариата») является наиболее совершенной средством для развития страны, для создания нового, справедливо общества. Только она, считали они, способна сплотить общество в некий монолит, способный защитить общество от внешних и внутренних врагов. Ленинские заветы о необходимости перестройки политической системы, ленинские предупреждения о губительной роли бюрократического управленческого аппарата не были ими подхвачены и развиты. Главной, коренной ошибкой их теоретической и практической деятельности было непонимание того, что *только* Демократия может быть средством, способным оживить общественную жизнь и обеспечить её эффективное и гармоничное развитие. Для всех них Демократия была

изобретением буржуазии. Для них Демократия была синонимом «буржуазной демократии». В общем, для них буржуазия, буржуазный строй – это демократия, пролетарский, социалистический строй – это диктатура.

Между тем, именно Демократия могла спасти и развить завоевания Октября, предотвратить сползание страны к сталинской тоталитарной системе.

Дополнить экономическую демократию политической!

Демократия – вовсе не синоним дряблости политического режима и разобщённости социальных сил. Она может быть не менее твёрдой в защите народных интересов, чем диктатура. Только её твёрдость – особого рода. Это – твёрдость, опирающаяся на закон. И она не лишена элементов диктатуры. Только это «диктатура» особого рода: диктатура Закона!

И единство, сплочённость социальных сил общества она обеспечивает гораздо лучше, нежели диктатура. Ибо она даёт возможность ВСЕМ социальным, политическим и культурным силам общества принимать участие в обсуждении проблем, перед ним возникающих, рассматривать их с разных сторон и под разными углами, предлагать и обсуждать разные, возможные пути их решения. И в результате обсуждений, в которые втягиваются тысячи лучших умов страны, рождаются решения, гораздо более эффективные, гораздо более совершенные, чем в том случае, если эти решения вырабатывает узкая группа политбюро или ЦК.

Вот она, спасительная формула: экономическая демократия плюс широкая демократия политическая. Иначе говоря, экономическую демократию нэпа совершенно необходимо было дополнить политической демократией. К этому толкала провозглашённая Лениным необходимость коренного пересмотра важнейших положений социалистической теории. Они же, его ученики и

наследники пошли не вперёд, а назад от Ленина, от Ленина нэпа к Ленину «Государства и революции». Они возрождали идеи Диктатуры во всех её ипостасях – экономической, политической, культурной, интеллектуальной. Это и подвигало советское общество к его самой большой беде – к сталинщине. Повторюсь: пороки диктатуры могли бы быть смягчены, если бы во главе её оказался человек высокой нравственности и интеллектуальной культуры. Но вся её суть препятствовала появлению там такого человека. Диктаторская (авторитарная или тоталитарная) система, где «сплочённость» и «единство» обеспечивается идущими сверху приказами, где всякое сомнение в эффективности этих приказов карается тюрьмой или расстрелом, там к властным вершинам могут подобраться только люди невысокого интеллекта, но железной воли и – главное – лишённые всяких нравственных ограничений.

А всё-таки Зиновьев, Каменев, Троцкий были людьми достаточно высокого интеллекта и сохранившие в себе – кто в большей, кто в меньшей степени – нравственные ценности, формировавшиеся русской философией и культурой в передовых слоях русского общества. И потому для диктаторских полномочий они не слишком подходили. И, к сожалению, упустили из виду тех, кто «подходил». В первую очередь, - Сталина. Они не заметили, как ловко он их столкнул лбами. Находясь некоторое время в тени, он, с одной стороны, натравливал своих партнёров по Тройке на Троцкого, а с другой – не давал быстро его сожрать. Ему нужен был Троцкий, который наносил жестокие удары по авторитету Зиновьева и Каменева. Они не понимали, не чувствовали, что – объективно – компрометируя, «сжирая» друг друга, они играют на руку Сталину. Потом, когда ослепление их в схватке немного спало, они начали кое-что понимать. Я думал, что главное – это Зиновьев, признавался позднее Троцкий, и не разглядел вовремя, что главная

опасность для партии и общества исходит от другого – от Сталина. А Зиновьев с Каменевым вспомнили, что вот же Ленин настаивал в Завещании снять Сталина с поста генсека. Увлечённые войной с Троцкий не вняли они завету своего учителя, убеждали членов ЦК, что он исправится, спасали его.

Вот свидетельство очевидца – Б.Г. Бажанова (секретарь Политбюро, с 1923 по 1927 гг - «личный секретарь» Сталина):

«Каменев открыл заседание и прочитал ленинское письмо. Воцарилась тишина. Лицо Сталина стало мрачным и напряженным. Согласно заранее выработанному сценарию, слово сейчас же взял Зиновьев.

"Товарищи, вы все знаете, что посмертная воля Ильича, каждое слово Ильича для нас закон. Не раз мы клялись исполнить то, что нам завещал Ильич. И вы прекрасно знаете, что эту клятву мы выполним. Но есть один пункт, по которому мы счастливы констатировать, что опасения Ильича не оправдались. Все мы были свидетелями нашей общей работы в течение последних месяцев, и, как и я, вы могли с удовлетворением видеть, что то, чего опасался Ильич, не произошло. Я говорю о нашем генеральном секретаре и об опасностях раскола в ЦК" (передаю смысл речи).

Конечно, это была неправда. Члены ЦК прекрасно знали, что раскол в ЦК налицо. Все молчали. Зиновьев предложил переизбрать Сталина Генеральным секретарем. Троцкий тоже молчал, но изображал энергичной мимикой свое крайнее презрение ко всей этой комедии.

Каменев со своей стороны убеждал членов ЦК оставить Сталина Генеральным секретарем. Сталин по-прежнему смотрел в окно со сжатыми челюстями и напряженным лицом. Решалась его судьба.

Так как все молчали, то Каменев предложил решить вопрос голосованием. Кто за то, чтобы оставить товарища

Сталина Генеральным секретарем ЦК? Кто против? Кто воздержался? Голосовали простым поднятием рук. Я ходил по рядам и считал голоса, сообщая Каменеву только общий результат. Большинство голосовало за оставление Сталина, против - небольшая группа Троцкого, но было несколько воздержавшихся (занятый подсчетом рук, я даже не заметил, кто именно; очень об этом жалею).

Зиновьев и Каменев выиграли (если б они знали, что им удалось обеспечить пулю в собственный затылок!)).

И когда укрепивший свои позиции Сталин стал притеснять уже своих бывших партнёров по Тройке, Зиновьев, попробовал воззвать к морали, намекая на то заседание Пленума ЦК, когда ему и Каменеву удалось, проигнорировав ленинский завет, спасти Сталина от падения в политическое небытие: «Знает ли товарищ Сталин, что такое благодарность?». Товарищ Сталин, по свидетельству Бажанова, «вынул трубку изо рта и ответил: *«Ну, как же, знаю, очень хорошо знаю, это такая собачья болезнь»*. Получите, товарищ Зиновьев и распишитесь...

Взывание к морали к человеку, считающего её «собачьей болезнью», было, конечно, бессмысленно. Решили тогда действовать по логике «революционной целесообразности» - попытаться выполнить завет Ленина и тем указать место их «младшему партнёру». Полагали, что сработает тут их былой большевистский авторитет ближайших соратников Ленина.

И вот на XIV съезде партии (декабрь 1925 года) Зиновьев, после Отчётного доклада Сталина, выступает с альтернативным содокладом. А расхрабренный Каменев, вообще громко, открытым, что называется, текстом вносит предложение о выполнении ленинского завета - о смещении товарища Сталина с поста генсека: «Я пришёл к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба»⁴¹.

⁴¹ XIV съезд ВКП(б). Стенограмма. М., 1926. С. 275.

Вот тут и выявилась вся их политическая наивность и совершенное непонимание особенностей диктаторско-бюрократической политической системы. Их «младший партнёр», которого, как они полагали, им, партийным тяжеловесам, легко будет сбросить с партийных верхов, этот их «партнёр», используя возможности генерального секретаря по подбору и расстановке кадров, потихоньку-полегоньку, тихой, что называется, «сапой», незаметно для большевистских могикан, понасадил на ответственные посты, на цековские должности верных ему людей из нового, молодого партийного набора, положил им приличные зарплаты, обеспечил привилегиями. Эти люди были всеми благами обязаны ему и только ему.

И вот, когда Каменев внёс своё предложение, раздался просто вой стаи: «Голоса с мест: «Неверно!», «Чепуха!», «Вот оно в чём дело!», «Раскрыли карты!». Шум. Крики: «Мы вам не дадим командных высот», «Сталина! Сталина!». Делегаты встают и приветствуют тов. Сталина. Бурные аплодисменты. Крики: «Вот где объединилась партия. Большевистский штаб должен объединиться»... Голоса с мест. Да здравствует тов. Сталин!!! (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «Ура!» Шум)⁴².

Они-то, мыслители-теоретики, ораторы-цицероны, не знали того, что знает Сталин: «Кадры решают всё». И после того воя, им стало ясно, кто всех ближе подобрался к главному креслу партии. Попытались ещё сделать усилия, чтобы остановить претендента на «нового Ленина» - объединились с Троцким: о, как грозно: «Объединённая оппозиция». Опоздали! Однопартийность, запрет на инакомыслие, обожествление партии, культ Ленина и догматизация, вульгаризация его идей, политическая Диктатура – это же всё они и создавали. Только вот все вожжи оказались в руках сталинцев.

⁴² Там же.

И уже ничего сделать было нельзя. Можно только было попытаться сохранить свою политическую честь. Троцкому это удалось – воевал со сталинистами до последних дней, – когда, вытолкнутого в эмиграцию, ему, в 1940 году, размозжил ледорубом череп подосланный Сталиным некто Меркадер, получивший за это убийство Героя Советского Союза. Да, Троцкому удалось. Зиновьеву и Каменеву – нет. Диктатура, которую возглавил бывший «младший партнёр», их вначале опозорила, а потом безжалостно и подло раздавила.

Атмосфера кошмара, сгустившаяся над головой некогда претендента номер один на ленинское кресло, ясно вырисовывается из таких, например, записок Зиновьева.

1934 г: "Товарищу Сталину. Сейчас (16 декабря в 7 1/2 веч.) тов. Молчанов с группой чекистов явился ко мне на квартиру и произвел у меня обыск. Я говорю Вам, товарищ Сталин, честно: с того момента, как распоряжением ЦК я вернулся из Кустаная, я не сделал ни одного шага, не сказал ни одного слова, которые я должен был бы скрывать от партии, от ЦК, от Вас лично. Я думал только об одном: как заслужить доверие ЦК и Ваше лично, как добиться того, чтобы Вы включили меня в работу... Ни в чем, ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией, перед ЦК и перед Вами лично. Клянусь вам всем, что только может быть свято для большевиков, клянусь Вам памятью Ленина. Я не могу себе представить, что могло вызвать подозрение против меня. Умоляю Вас поверить этому честному слову. Потрясен до глубины души. Г. Зиновьев".

А вот записка Сталину, написанная уже в тюремной камере. "... В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это... Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели Вы не видите, что я не

враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, я понял, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение..."

В расчёте на обещанное им с Каменевым (а также их родственникам) сохранение жизни, они на судебном процессе «признались» в преступлениях, которых не совершали.

23 августа 1936 года глубокой ночью подсудимые (16 человек) были доставлены в Октябрьский зал Дома союзов. В 2 часа 30 минут ночи Ульрих огласил приговор. Все приговаривались к высшей мере так называемой социальной защиты - к расстрелу с конфискацией лично им принадлежащего имущества

Через сутки приговор был приведён в исполнение...

Той же кровавой, полной издевательств и унижений дорогой пройдёт немного позднее и бухаринская группа. Замечательный человек был Николай Иванович Бухарин. Ленин называл его любимцем партии. Замечательный человек, талантливый теоретик (философ, экономист), но предельно наивный политик, в голове которого просто не могло укладываться, что такими злодеями, такими извергами могут вдруг оказаться товарищи по партии. Он видел в ней большую семью, где родственники могут повздорить, поспорить, по-разному оценить те или другие вещи, но, несмотря ни на что, будут оставаться друзьями, бесконечно преданными общему делу и друг другу. Он и с Лениным, случалось, спорил. И довольно остро. Спорил и...любил. Так спорят с отцом входящие во взрослость дети. И в случае несогласия спорил с Троцким, но спорил с большим, с огромным уважением. Собственно, когда Зиновьев подготовил проект решения одного из Пленумов с требованием убрать Троцкого из политбюро и из ЦК, Бухарин, хотя и полемизировал с Троцким, но против этой резолюции восстал гневно и страстно. И, благодаря ему, предложение Зиновьева было провалено. Также горячо

оспаривал он идеи Зиновьева и Каменева, направленные на ограничение и даже свёртывание нэпа. Бухаринскую критику Сталин активно использовал в борьбе с этими двумя прежними друзьями по Тройке. Бухарин шёл в открытую, без всяких задних мыслей и коварных замыслов. Не мог он и предположить, что такие замыслы могут возникнуть у кого-то из его партийных товарищей. И только какое-то время спустя, он вдруг обнаружил, что, по воле Сталина теоретическая дискуссия с Зиновьевым и Каменевым перерастает в их травлю, отвратительную и безнравственную. А потом травля перекинулась и на него, Бухарина, в ком Сталин заподозрил нового претендента на властное кресло. И тогда он чуть более внимательно взгляделся в идущего рядом генсека и ужаснулся тому, что увидел. И об этом увиденном им кошмаре он, бедный и наивный Бухарчик, пошёл поведать своему теоретическому противнику, но партийному другу Льву Борисовичу Каменеву. Каменев постарше, поопытней в политике: пошёл к нему Бухарчик душу раскрыть, за человеческой помощью: помоги понять, разобраться в этом ужаснувшем его феномене. «Мы считаем, что линия Сталина, - взволнованно говорил он, - губительная для всей революции». Сталин - это беспринципный интриган, который всё подчиняет сохранению своей власти. Меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать. В «семёрке» мы разругались с ним до «врёшь», «лжёшь» и пр. Он теперь уступил, чтобы нас зарезать». «Что делать, когда имеешь дело с таким противником: Чингисханом...». «Политика Ст[алина] ведёт к гражданской войне. Ему придётся заливать кровью восстания».

Каменев комментирует: «Тон — абсолютной ненависти к Сталину и абсолютного разрыва» и добавляет: «Бухарин совершенно прав, обвиняя Сталина в том, что он не выдумал ни одного слова, а воспользовался лишь осколками оппозиционной (то есть троцкистско-зиновьевской – Г.В.)

платформы» (с её идеями отмены нэпа, осуществления первоначального накопления для индустрии за счёт беспощадной эксплуатации крестьянства Г.В.)».

Каменев переслал запись этой беседы Троцкому. Троцкисты, имевшие разногласия с «правыми»-бухаринцами, стремившихся защитить крестьянство от намечаемой эксплуатации на базе «первоначального накопления», поспешили – не без удовольствия - выдать своих оппонентов Сталину с головой: взяли и напечатали этот монолог Бухарина («нравственно» - всё то , что нам служит!). Да ещё Троцкий присовокупил к этому глубокомысленное размышление: «Может ли оппозиция (то есть троцкисты – Г.В.) поддержать правых (бухаринцев – Г.В.) против стоящих формально у власти центристов (так он называет сталинцев - Г.В.), чтобы помочь опрокинуть последних?.. **Такие комбинации левых с правыми бывали в революциях, и такие комбинации губили революцию.** Правые представляют то звено внутри нашей партии, за которое буржуазные классы подспудно тянут революцию на путь термидора. Центр (сталинцы – Г.В.) делает в данный момент попытку отпора или полуотпора. Ясно: оппозиция (троцкисты – Г.В.) не может иметь ничего общего с комбинаторским авантюризмом, рассчитывающим при помощи правых опрокинуть центр (сталинистов – Г.В.)». «Готовы ли мы поддержать нынешний официальный сдвиг (сталинистов в направлении Троцкого-Зиновьева – Г.В.)? Безусловно. Всеми силами и средствами». «Наша поддержка левым или полулевым шагам центристов (сталинцев – Г.В.) состоит в том, что мы, опальные большевики-ленинцы, исключаем самую мысль о каком-либо блоке с правыми (бухаринцами – Г.В.) против общего противника».

В общем: «Со Сталиным против Бухарина? Да. С Бухариным против Сталина? Никогда». Ну, и получите, Лев Давидович, от любезных Вам «центристов» ледорубом по

черепу... А за кровь расстрелянного впоследствии Бухарина Вы тоже несёте определённую ответственность: Ваша публикация и Ваш «высокотeorетичный» комментарий слегка смахивает на донос....

Ну, а Бухарчик тоже опоздал со своим «пониманием», да и не придумал, что ему с этим «пониманием» делать.

В общем, нет повести печальнее на свете...

И сегодня невозможно без глубокой, просто неизбежной печали думать о судьбе поколения революционеров, делавших Октябрьскую революцию во имя счастливой жизни своего народа.

Но приглушим немного печаль и вспомним Спинозу: не смеяться, не плакать, не печалиться, а ПОНИМАТЬ.

И, думаю, надо ПОНЯТЬ следующее.

Главное: сталинизм вовсе не синоним социализма, вовсе не «закономерное следствие Октябрьской революции»; неприятие сталинизма не означает отказ от социализма. Трагедии сталинизма, предавшего идеалы Октябрьской революции и большевизма, можно было избежать, оставаясь, в целом, в главном, в рамках марксовской (ленинской) социалистической парадигмы. Только надо было внести в неё коррективы (хотя и довольно существенные), которые отвечали бы вызовам нового времени. Коррективы, которые начал делать Ленин эпохи нэпа и по вектору которых следовало пойти его действительным (а не фальшивым) последователям (чего ими, увы, не было сделано).

Главные из этих корректив:

Не Диктатура («пролетариата», или кого-то ещё), а Демократия и только Демократия могла быть политической формой построения нового, справедливого, свободного от эксплуатации и социального неравенства общества. Роза Люксембург: «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы

многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих». «Только неограниченная бурлящая жизнь продолжает тысячи новых форм, импровизации, обретает *творческую силу*, сама исправляет все ложные шаги. Общественная жизнь государств с ограниченной свободой именно потому так скудна, так жалка, так схематична, так бесплодна, что исключением демократии она закрывает для себя жизненные источники всякого духовного богатства и прогресса... Вся масса народа должна участвовать. Иначе социализм будет декретирован, октроирован дюжиной кабинетных интеллигентов»⁴³.

Уроки истории

Демократия — именно она должна охватывать все, абсолютно все стороны социальной жизни: Экономическая демократия, Политическая, Интеллектуальная, Нравственная.

1. *Экономическая демократия*: сосуществование различных экономических укладов, их цивилизованное, регулируемое законами и общественной моралью, соперничество и сотрудничество, сочетание плановой государственной дисциплины и стихии рыночных отношений; минимизация в разрывах доходов граждан - поддержание «децильного коэффициента» (отношение доходов 10% самых богатых к 10% самых бедных) на уровне 3-6.
2. *Политическая демократия*: Политический и идеологический плюрализм — многопартийность, отсутствие обязательной для всех «государственной идеологии», светское государство; сохранение лишь одной формы «диктатуры» - диктатуры Закона, обсужденного, одобренного и принятого гражданским обществом, Закона, милостивого и равного для всех и

⁴³ Люксембург Роза. О социализме и русской революции. М., Политиздат, 1991. С. 327, 328.

каждого; неукоснительное обеспечение всех известных свобод и прав человека.

3. *Интеллектуальная демократия.* Ничем не ограниченная свобода мысли и свобода слова; никакой цензуры, кроме «цензуры» традиционной нравственности, не навязчиво осуществляемой общественным мнением; равенство «веры» и «неверия», религии и атеизма; никакого преимущества ни одной из научных, философских или художественных школ, равные права и возможности всем течениям и всем школам.
4. *Нравственная демократия.* Приоритет нравственности по отношению к политике; категорический отказ от популярной в советские времена формулы: «нравственно – всё то, что служит делу строительства социализма» и изменение её на прямо противоположную: «социализмом является всё то, что служит, что отвечает нравственным установкам и ценностям».

Всё это и составляет суть нового, справедливого социального строя, который может быть назван демократическим, гуманным социализмом, или ещё точнее (поскольку «социализмом» называют сегодня себя очень разные системы и идеологии) - *Реальным Гуманизмом*. И, можно не сомневаться, что именно за этим строем «Реального Гуманизма» будущее.